

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра социологии, политологии и управления

Е.Ф.Молевич

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Раздел III

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

*Учебное пособие для студентов
гуманитарных специальностей*

Издательство "Самарский университет"
1997

ББК 60.5

М75

Молевич Е.Ф. Общая социология: Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Ч.Ш. Самара: Изд-во "Самарский университет", 1997. 108 с.

ISBN 5-230-06092-1

Предлагаемое учебное пособие соответствует государственному стандарту специальности "Социология" и учебной программе курса "Общая социология", разработанной и утвержденной кафедрой социологии, политологии и управления Самарского государственного университета. Оно продолжает ранее изданное пособие "Общая социология" ч.1-П и охватывает третий раздел учебной программы курса.

Предназначено как для студентов-заочников, так и для самоподготовки студентов дневного обучения гуманитарных факультетов.

Ответственный редактор доцент, кандидат исторических наук
В.Я.Мачнев

Рецензент профессор Санкт-Петербургской академии культуры
Э.А.Куруленко.

0302010000-024

М— без объявления

6К4(03)-97

ISBN 5-230-06092-1

© Молевич Е.Ф., 1997

Раздел III

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

1. Социальная (социетальная) стратификация общества

Если за первый "этаж" общественной (социетальной) организации принять личности как непосредственные субъекты общественной жизни, то, как мы уже видели (см. II.1), второй "этаж" этой организации по необходимости составляют многообразные связи между этими личностями. Соответственно, третий и заключительный "этаж" общественной организации столь же необходимо образуют естественные продукты этих связей - разнообразные объединения, коллективы, ассоциации, или, говоря в терминах социологии, "общности людей". Под последними понимаются любые совокупности людей, характерные какими-либо общими признаками, придающими им качественное своеобразие. Само же общество в этой связи выступает как нечто глубоко дифференцированное, структурированное или, в терминах современной социологии, "стратифицированное" ("страт" - слой).

Реальные и номинальные общности в зависимости от того, какие именно признаки кладутся в основание выделения конкретных общностей, различаются общности реальные и номинальные. К реальным относятся все общности людей, образуемые общими условиями существования, совпадающими интересами, сходным характером жизнедеятельности. Номинальные общности представляют собой условные статистические совокупности ("множества") людей, вы-

деляемые по любым формальным признакам и, соответственно, лишенные реальных внутренних связей и целостности. На уровне обыденного сознания подобные "множества" представлены многообразными группировками людей по их внешним признакам (блондины, лысые), особенностям поведения (пьяницы, домоседы), вкусов (меломаны, театралы) и т.д. На уровне науки типичным примером номинальных общностей могут служить выделяемые в западной социологии т.н. "социальные классы" — статистические группы населения, получаемые на основе т.н. социально-экономического индекса — интегрального показателя, исчисляемого по трем социальным параметрам — доходам, профессии и образованию. Оставаясь номинальными общностями, подобные "классы" позволяют вместе с тем характеризовать вполне объективное реальное многообразие статусных позиций.

**Акционистские
и релятивистские
общности**

Реальные общности людей возникают и существуют на основе как связей общения ("акционистские общности"), так и связей отношения ("релятивистские общности"). Частными классами первых являются такие общности, как

— диада ("пара"): минимальная по своим размерам общность, образуемая общением двух человек: брачные и сексуальные пары, дружеские пары, производственное напарничество и т.д.;

— малая группа: совокупность не менее 3 лиц, связанных общими условиями жизнедеятельности и находящихся в непосредственном общении друг с другом ("лицом к лицу"): семейные группы, малые трудовые коллективы, соседские группы и т.п.;

— социальный круг: совокупность лиц, связанных общностью непосредственного общения, но без общих условий жизнедеятельности: дружеские компании, "курилки" и т.д.;

— скопления: совокупность лиц, находящихся в непосредственном общении по случайным и временным причинам: очереди, зрительские аудитории, пассажиры и т.д.

Для акционистских общностей людей характерны субъективно-целевой характер, персонифицированность, сравнительная кратковременность и компактность (сосредоточенность) их существования.

К релятивистским общностям относятся, во-первых, институционализированные общности, т.е. обобщенные выражения конкретных акционистских общностей. Например, брак, семья, взятые не в их конкретно-индивидуальных воплощениях, а как исторически сложившиеся устойчивые социальные институты брака и семьи. Во-вторых, к релятивистским общностям будут относиться и все те совокупности лиц, которые, будучи связаны общими условиями жизнедеятельности и, соответственно, общими интересами, не находятся при этом в непосредственном общении: экономические классы, этносы, возрастные, половые, территориальные, профессиональные и т.д. общности.

Поскольку релятивистские общности возникают и существуют на основе связей отношения, они всегда объективизированы и устойчивы, могут быть как компактными, так и дисперсными (рассеянными), для их существования характерны собственная субкультура (т.е. специфичный для данной общности набор ценностных установок, стандартов поведения, форм жизнедеятельности) и символизация, позволяющая нам достаточно точно ориентироваться в мире этих групп по принципу "кто есть кто".

Социальные системы, институты, организации (корпорации)	В содержательном плане в зависимости от степени своей внутренней упорядоченности (формализованное™) все реальные общности распадаются на два типа: системные (формализованные) и несистемные (неформализованные) общности.

Под социальными (в широком смысле этого слова, т.е. общественными, социетальными) системами понимаются общности, для которых характерна определенная упорядоченность образующих эти общности элементов — личностей и их коллективов. Эта внутренняя упорядоченность становится возможной в силу наличия у систем каких-то механизмов управления ими, и, соответственно, каких-то иерархизированных структур роле-статусных взаимосвязей элементов системы.

В связи с этим все социальные системы:

во-первых, целостны, т.е. обладают собственными интегральными качествами, не сводимыми как к свойствам составляющих систему элементов, так и к сумме этих свойств;

во-вторых, целенаправленны в своем функционировании, всегда решают какие-то определенные общественно-необходимые задачи;

и в-третьих, нормативны, т.е. необходимы для стабильного и полноценного функционирования данного общества.

Последние две характеристики — целенаправленность и нормативность социальных систем — обычно обобщаются в более широкое понятие — функциональность систем. Соответственно, в зависимости от конкретной функциональной направленности функционирования социальных систем, выделяются в их рамках экономические, социальные (в узком и специальном смысле этого термина), политические и духовно-культурные системы.

В зависимости от происхождения социальные системы распадаются на два вида систем: социальные институты и социальные организации (корпорации). К социальным институтам будут относиться все те системы, которые возникают на строго объективной основе, т.е. вне зависимости от воли и сознательной творческой деятельности человека: брак и семья, государство, церковь, системы образования, здравоохранения, торговли и т.д. Если же социальная система возникает на основе волевой творческо-созидательной деятельности человека и в своем функционировании зависит от нее, то такие системы получили название социальных организаций или корпораций, политические партии, профессиональные союзы, производственные коллективы и объединения и т.д. Взятые в целом, системные общности образуют т.н. институционально-корпоративную структуру общества.

**Несистемные
(неформализованные)
общности**

Совсем иной тип организованности характерен для несистемных (неформализованных) общностей, т.е. общностей, лишенных внутренней упорядоченности в силу отсутствия каких-либо механизмов управления этими общностями. Таковы экономические классы, этносы, половозрастные общности и т.д., и если социальные системы, как мы выше видели, всегда функциональны, т.е. обязательно решают какую-то общественно-необходимую задачу, поддерживая тем самым нормативное функционирование данного общества, то несистемные общности могут быть как функциональными, так и дисфункциональными.

К функциональным относятся все те несистемные общности, которые формируются на базе уже известных нам (см. П. 1) функциональных связей, лежащих в основе основных сфер общественной деятельности — экономической, социальной (в узком смысле), политической и духовно-культурной. На основе экономических связей, ответственных за производство, распределение и обмен потребных обществу материальных благ, формируются такие экономические по своему характеру несистемные общности, как классы (сословия, касты), социально-трудовые и профессиональные группы. На основе духовно-культурных связей, ответственных за производство, функционирование и сохранение потребных обществу духовных благ, возникают многообразные неформальные культурные общности, связанные с единством воззрений, идеалов, культурных интересов, вкусов, досуговых ориентации и т.д. На основе политических связей, ответственных в условиях цивилизации за сферу управления обществом, формируются такие массовые неформальные политико-идеологические течения, как либерализм, консерватизм, радикализм, реформизм и т.д. Во второй половине XX века родился еще один тип политико-идеологических общностей, промежуточный по своему характеру между системными и несистемными общностями, — т.н. массовые общественные движения: "зеленые", за мир и ядерное разоружение, за гражданские права в США, диссидентов в СССР и т.д. Для этого нового типа общностей характерно сочетание строгой целенаправленности — они рождаются и существуют именно для решения какой-то конкретной задачи — и слабой упорядоченности, неформальности организации. Другая характерная черта — сравнительная кратковременность, ситуативность существования этих общностей. Они либо сравнительно быстро достигают своих целей, либо, столкнувшись с трудностями, так же быстро сходят со сцены, чему очень способствует слабость формальной организованности.

**Социальные (в узком смысле)
несистемные общности
и социальная структура общества**

Но для социологии особый интерес представляют не-системные функциональные общности, формирующиеся на основе социальных (в узком и специальном смысле) связей, отвечающих за сферу непосредственного воспроизводства человека как индивида и личности. К ним относятся:

— половозрастные общности, связанные с особенностями ролестатусного социального положения, вытекающими из специфики половых и возрастных различий;

— этнические общности, обеспечивающие языково-культурную социализацию личности;

— регионально-поселенческие общности, обусловленные своеобразием расселения людей, приводящим к своеобразию их социального положения;

— социально-трудовые общности;

— общности людей примерно одинакового образовательного уровня и, соответственно, социального статуса;

— бытовые и досуговые общности, ответственные за всю сферу материального и культурного жизнеобеспечения личности.

Для всех этих очень разных по своему конкретному содержанию общностей типичны, тем не менее, определенные черты организации, обособляющие их в специфическую группу именно социальных общностей.

Во-первых, они формируются и существуют на базе именно социальных связей. Соответственно, их общественное назначение — обеспечение самого существования и воспроизводства человека как физического индивида и общественной личности.

Во-вторых, все они относятся к разряду объективных общностей, т.е. возникают и существуют вне зависимости от нашего желания и воли. Это связано с тем, что они отвечают вполне объективным потребностям существования человека и, как правило, являются непосредственным производным от системы экономических отношений.

С этими же обстоятельствами связана и третья особенность: повышенная историческая устойчивость, а в ряде случаев — и атрибутивный характер (этничность, половозрастные общности) социальных общностей.

И в-четвертых. Из объективного характера социальных общностей следует реальная принадлежность соответствующих лиц к соответствующим группам независимо от того, осознается ли эта принадлежность самими этими лицами. Это резко отличает социальные (так же как и экономические) общности от политических и духовно-культурных общностей, само существование которых связано с групповой самоидентификацией.

Но и для социальных общностей имеет принципиальное значение подобная самоидентификация, ибо именно она ответственна за степень сплоченности группы, за уровень единства и солидарности группы в отстаивании своих общих интересов. В этой связи представляют несомненный интерес идеи К.Маркса, различавшего "класс-в-себе" и "класс-для-себя", и М.Вебера, также различавшего "экономические" и "социальные" классы по степени осознанности членами классовой общности своей принадлежности к ней и вытекающих из этой осознанности групповых интересов и солидарности в борьбе за их реализацию.

Естественно, что все рассмотренные социальные общности (как формальные, системные, так и несистемные) могут быть связаны друг с другом функционально разными связями — экономическими, социальными, политическими, духовно-культурными. Этим определяется многообразие их возможного места в общей социетальной структуре общества. В тех случаях, когда социальные общности оказываются связанными друг с другом с помощью социальных же связей, они образуют т.н. социальную структуру общества в ее точном и строгом смысле, т.е. известное единство социальных общностей на основе социальных же связей между ними. Но социальные связи могут связывать и несоциальные (экономические, политические, духовно-культурные) общности. И тогда мы тоже имеем дело с социальной структурой общества, но уже в широком смысле этого слова, ибо составляющими элементами этой структуры выступают не только социальные, но и другие общности. Если же социальные общности связаны не социальными, а другими функциональными связями, то в этом случае они будут выступать элементами уже не социальной, а соответственно экономической, политической, культурной структур общества (в их широком смысле).

Дисфункциональные социальные общности Если системные общности всегда функциональны, то несистемные общности могут быть и дисфункциональными, т.е. лишенными статуса общественной необходимости. Как правило, они представляют собою так или иначе выраженные "отклонения" от нормативно представленной общественной жизни, при этом Находящиеся в большем или меньшем конфликте с этими нормативами.

В марксистской теории подобные социальные состояния известны под названием "деклассированности", в теориях функционалистов (Дюркгейм, Мертон) — "аномии", в классической политэкономии — "пауперизма", в современной американской литературе обычно используется термин "андеркласс" ("подклассье", "заклассье").

Дисфункциональные социальные общности составляют часть социальной структуры данного общества. Как и все остальные социальные общности, они детерминированы социально-экономическими факторами, вполне реальны, объективны и устойчивы в своем существовании. Отличительная же черта дисфункциональное™ — большая или меньшая утрата личностью типичных для данного общества связей — трудовых, политических, этнических, семейных и на этой же почве — социальный паразитизм и инфантилизм.

Одним из первых проанализировавший эту специфичную часть социальной структуры К.Маркс выделил в ней:

- люмпен-пролетариат, представленный преступным миром, бродягами и проститутками;
- безработных;
- опустившихся, неработоспособных по здоровью, возрасту и другим объективным причинам;
- детей всех этих лиц.

Современный исследователь деклассированности Ф.Бурджалов выделяет, во-первых, активную часть деклассированных, собственно люмпенов: уголовники, нищие, проститутки; во-вторых, пассивную часть, представленную опустившимися категориями населения — бездомными, бродягами, алкоголиками, наркоманами; и в-третьих, т.н. маргиналов, т.е. всех тех, кто находится на грани деклассированности, переходные к ней группы населения

— сегодня это прежде всего устойчивые группы безработных, беженцев, иммигрантов.

В прошлом веке дисфункциональные группы обычно отождествлялись с нищетой, пауперизмом. Сегодня это неверно, ибо, с одной стороны, среди деклассированных совсем нередки очень высокие доходы, а с другой стороны, не все по каким-то причинам обнищавшие утрачивают социальные связи, т.е. обретают статус деклассированности. Это особенно важно иметь в виду в связи с современными повсеместными ситуациями хронической безработицы и кризисного образа жизни в России.

Каковы пути воспроизводства дисфункциональных общностей? Их два: социальная деградация ("нисходящая мобильность") как отдельных лиц, так и целых социальных групп, оказавшихся в устойчиво кризисных условиях существования, а с другой стороны, социальная унаследованность соответствующих состояний, связанная с тем, что восходящая мобильность у этих категорий населения, включая и их детей, очень мала.

Социальная стратификация как закон общественного развития Осознание наукой глубокой стратифицированности всей общественной жизни восходит к первым дням ее существования.

Уже у Аристотеля (Соч. Т. IV. С. 490) мы можем прочесть: "Одни семьи, конечно, бывают состоятельными, другие — бедными, третьи имеют средний достаток... Простой народ составляют... земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности". Последующий анализ общественной дифференциации в работах Т.Гоббса, английских политэкономов и французских историков рубежа XVIII-XIXв., К.Маркса, Ф.Тенниса, М.Вебера, П.А.Сорокина, структурных функционалистов и т.д. позволил современной науке прийти к вполне определенным выводам по этому поводу. А именно:

1. Стратифицированность (расслоенность) общества есть всеобщая закономерная характеристика общественной жизни. Всегда и везде, при любых общественных условиях, люди вступают друг с другом в какие-то связи, образуя тем самым какие-то типичные для данного общества группировки — "общности" — людей. В ходе общественных преобразований — революций и реформ —

меняются конкретный состав и содержание общностей, но неизменным остается сам факт разнообразного группирования людей в эти общности.

2. В понятии "стратификация" отражается не только рассмотренный факт всеобщей дифференцированности общественной жизни, но и факт глубокого неравенства, ранжированности общностей людей по характеру и содержанию их деятельности, обеспеченности и условиям жизни, доступу к власти и культурным ценностям, социальному престижу. "Стратификация может быть определена как структурированное неравенство между разными группами людей" (Э.Гидленс. Цит. по: Ильин В.И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991. С. 15).

В этой связи необходимое терминологическое примечание: в тех случаях, когда в центре внимания исследователя сами процессы группирования людей по каким-то признакам, обычно используется термин "структура". В тех же случаях, когда на первый план выходит анализ взаимоотношений между группами а они всегда иерархичны, ранжированы, — применяется термин "стратификация".

2. Половая структура (стратификация) общества

Половозрастная структура (стратификация) общества Анализ социальной (в узком и строгом смысле этого термина) структуры общества правомерно начать с характеристики половой и возрастной структур общества. Они атрибутивно присущи ему в меру их связи с непосредственными биологическими характеристиками человечества и образуют поэтому естественный фундамент всей социальной структуры. Объективной основой функционирования этих структур в качестве не только биологических, но и социальных явлений служит естественное (а с рождения цивилизации — и общественное) разделение труда, изначально существовавшее между полами и возрастными группами и обусловившее формирование именно социально-демографических общностей мужчин и женщин, детей, подростков, молодежи и т.д. Каждая из этих общностей фиксирует специфику ролевого положения соответствующих групп, связанных с этим интересами, потребностями, образа жизни и поведения. Причем, в силу острого неравенства этих статусов, при

необходимости привлечения внимания именно к этому факту обычно используется понятие не структуры, а половозрастной стратификации.

Исторически, пока не сложилась по итогам неолитической революции сложная социальная структура цивилизации, именно половозрастная дифференциация лежала в основе общественной организации, порождая соответствующие институты первобытного общества — многообразные возрастные "братства", мужские и женские союзы, тайные половозрастные ритуальные общества. Именно эти половые и возрастные ячейки родового общества выступали главными организаторами и исполнителями всей коллективной производственной, культовой, военной и рекреационной деятельности, именно с ними в условиях, когда еще не было семьи, были связаны процессы социализации подрастающей смены. А это значит, что социальный статус и ролевые функции личности в первобытном обществе во всем основном предопределялись полом и возрастом личности.

Со становлением цивилизации и рождением присущих ей разнообразных общественных структур — сословий, этносов, систем расселения, профессий, государств, конфессий и т.д. — социальная значимость половозрастных различий существенно снижается, а связанные с ними институты либо отмирают, либо превращаются в групповые бытовые и досуговые организации типа известных британских мужских клубов или дамских салонов во Франции. Однако с рубежа XIX-XXв. положение снова меняется: рождающиеся процессы сначала женской (с середины XIXв.), а затем молодежной (с начала XXв.) эмансипации приводят к становлению многообразных организаций и движений женщин и молодежи, превращающихся с течением времени в серьезную общественную силу. Со второй половины XXв. к ним добавляются многочисленные и, как правило, очень влиятельные ветеранские организации. Рождается и получает очень разнообразную выраженность детское движение. Отражая эту новую общественную ситуацию, во многих странах появляются специальные государственные учреждения по делам молодежи, ветеранов, защиты детства и т.д.

В количественном аспекте половозрастная структура современного мира (конец 80-х годов) может быть представлена следующими данными (%):

		0-14	15-59	60 и ст.
Россия	М	24,8	66,1	9,1
	Ж	20,7	59,8	19,5
Франция	М.	22,2	62,5	15,3
	Ж	20,1	58,8	21,1
ФРГ	М	16,7	68,5	15,3
	ЖС	14,2	60,8	25,0
	М	22,4	65,0	12,6
Япония	Ж	20,6	62,5	16,9
	М	37,5	56,3	6,2
Индия	Ж	38,0	55,6	6,4
	М	47,2	47,5	5,3
Алжир	Ж	44,8	49,0	6,2
	М	22,7	62,9	14,4
США	М	20,5	60,7	18,8
	Ж			

Половой диморфизм и половая идентификация

Половая разделенность (диморфизм) человечества всегда привлекала внимание пытливых

умов. Платон оставил мировой науке древнюю красивую легенду. Оказывается, сначала боги создали двуполых людей — гермафродитов. Но быстро испугались их мощи — гермафродиты претендовали на то, чтобы жить вместе с ними и даже собирались построить дорогу на Олимп. И чтобы избежать этого нашествия, Зевс по поручению богов разделил гермафродитов на половины. С тех пор, констатирует Платон, люди уже не строят дороги на Олимп, они заняты более земными делами — ищут свою половинку. И если находят — родится любовь.

Идея историчности половой разделенности людей находила известную поддержку и в рамках современной науки (З.Фрейд, Э.Дюркгейм). Связано это было, в частности, с установлением факта усиления половой морфофизиологической выраженности с течением исторического времени. Так, различия в объеме современных мужских и женских черепов вдвое превышают соответствующие различия в древности. Более выражены и различия в росте, массе, физической силе и даже в тональности голоса: с

ходом времени все реже встречаются женщины с низкими головами и мужчины с высокими.

Однако последующие исследования, особенно с рождением антропогенетики, показали, что раздельнополость в мире позвоночных животных складывается еще на первых ступенях их эволюции, т.е. задолго до появления даже предковых форм человека. Было выяснено также, что биологическая основа полового диморфизма — исходная разнородность хромосомного набора ядер клеток. У женщин он представлен 46 хромосомами типа "X", у мужчин — 46 хромосомами типа "X" и "Y". Половое будущее предопределяется в момент оплодотворения материнской яйцеклетки мужским спермием типа "X" или "Y". Уже на третьем месяце утробного развития ребенка начинается формирование первичных, а с 6-7 лет — вторичных половых признаков, в целом завершаемое к 13-15 годам. Но это — в норме. Между тем не так уж редки нарушения этой нормы, ведущие к формированию аномальной двуполости. Последняя может быть представлена прежде всего разновидностями гермафродитизма: "истинного", связанного с параллельным наличием у индивида мужских и женских половых желез и органов; "ложного", представленного параллелизмом только морфологических органов. Истинный гермафродитизм очень редок, ложный, напротив, встречается относительно часто: один случай на несколько тысяч человек. Более смягченная форма двуполости — андрогиния: двуполость вторичных признаков при однополости желез и первичных морфологических признаков. Количественные параметры этой аномалии трудно фиксируемы, что стало особой проблемой для женского спорта, в ряде видов которого в этой связи введен специальный медицинский половой контроль.

Половая определенность имеет и свою субъективную выраженность: осознание личностью своей половой принадлежности и ее поведение в соответствии с этим. Для огромного большинства людей половая идентификация протекает стихийно и безболезненно. Она формируется, с одной стороны, очевидными внешними биологическими признаками пола, а с другой — под влиянием повседневного социального общения, всегда четко дифференцированного в зависимости от пола ребенка. В средне-обычных условиях стойкая половая социализация (идентификация) личности складывается уже к пятому году жизни. Но для определенных половых меньшинств (не путать с сексуальными мень-

шинствами!) половая соотношенность может превращаться в очень болезненную, иногда калечащую всю жизнь человека проблему. Это происходит в тех случаях, когда имеет место несовпадение внешне выраженных морфологических признаков пола с субъективным осознанием личностью своей половой принадлежности. В зависимости от причин такого несовпадения различаются две его формы: транссексуализм и трансвестизм.

Транссексуализм связан с врожденным (отклонением от нормы в эмбриогенезе) несоответствием характера гормональной физиологии и внешней половой морфологии. Это ведет к стойкому неприятию личностью своего внешне выраженного пола, а соответственно, и половых стереотипов поведения, отвечающих этому полу. В наше время стало возможным преодоление подобного несоответствия оперативным путем ("смена пола"). Количественная представленность транссексуализма, по оценкам американских медиков, - один случай на 150 тыс. человек. В отличие от транссексуализма, трансвестизм социален по своему происхождению и связан с чисто культурными особенностями социализации, характерными для быта некоторых этносов (эскимосы, ирокезы), а также для детей, почему-либо воспитывавшихся в инополовой среде. Выражается в образе жизни и системе поведения, противоположных естественному полу.

Историческая динамика полового состава общества

Еще одна общечеловеческая норма полового диморфизма, пока что никак не объясненная наукой: мальчиков устойчиво и повсеместно рождается несколько больше — до 6-7%, — чем девочек. В России — СССР удельный вес мальчиков в общем числе новорожденных на протяжении последнего столетия устойчиво составлял 51,2-51,6%. Обычная при этом ссылка на биологию не помогает: среди млекопитающих (а человек принадлежит к классу млекопитающих) представлены виды как с преобладанием в помете самцов или самок, так и с их примерным равновесием.

Отмеченное исходное (базовое) преобладание мужчин в половом составе населения оказывается достаточно временным: уже в средних по возрасту группах населения общее соотношение числа мужчин и женщин становится существенно смещенным в пользу

женщин. Так, на тысячу женщин соответствующего возраста в 80-х годах приходилось мужчин:

Возр. группа	СССР (1989)	США (1986)	Франция (1986)	Япония (1985)
0-4	1037	1948	1049	1049
15-19	1048	1039	1046	1050
25-29	1008	1004	1002	1019
30-34	997	996	1008	1014
35-39	979	978	1033	1011
40-44	957	961	1040	993
50-54	877	935	985	980
60-64	655	869	870	787
Всего:	892	949	951	967

Поскольку младшие возрастные группы населения, как мы видим, обнаруживают перевес мужчин, а старшие, наоборот, перевес женщин, причем быстро прогрессирующий с возрастом, то на общем итоге численного соотношения полов решающим образом будет сказываться характерная для данного общества наличная возрастная структура. Как свидетельствует исторический опыт, она может быть "старой", т.е. характеризоваться нарастанием удельного веса в общей массе населения старших возрастных групп (60 лет и старше), или "молодой", т.е. характеризоваться высоким удельным весом младшей возрастной группы (0-14 лет). Для современного развитого общества типична именно первая — "старая" — возрастная структура, ибо это общество с быстро стареющим населением. Соответственно, для этого общества характерен и быстро нарастающий перевес женщин в половом составе населения, т.е. его быстрая феминизация:

Страна	Год	Удел, вес возр. группы в населении, %		На 1000 женщин приходилось мужчин
		0-14	60 и старше	
Бельгия	1961	23,8	18,0	958
	1983	19,3	19,2	954
Дания	1960	25,1	15,5	983
	1986	18,3	20,3	971
Канада	1961	34,0	10,8	1022
	1986	21,3	15,1	978
Нидерланды	1960	30,7	12,7	992
	1985	19,4	16,8	978
Норвегия	1960	25,8	16,2	993
	1984	20,2	21,2	978
США	1960	31,1	13,2	971
	1986	21,6	16,6	949
Швеция	1960	22,0	17,3	995
	1986	17,4	23,6	975

Что же стоит за рассматриваемой тенденцией и ее фактологией? Почему старение общества столь отчетливо связано с прогрессирующей феминизацией полового состава общества? По всей вероятности, ответ нужно искать в области явлений т.н. "мужской сверхсмертности" XXв. Под последней понимается более высокая и ранняя смертность мужчин сравнительно с женской смертностью, складывающаяся в условиях высокоразвитых индустриальных обществ и приводящая к растущему разрыву в среднестатистической продолжительности жизни полов. Если в 80-х годах прошлого века средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин составляла в России 29 и 31 год, в Великобритании 44 и 47 лет, в США 42 и 44 года, в Швеции 48 и 51 год, то в 80-х годах нынешнего века она характеризовалась для СССР 63 и 73 годами, Великобритании 72 и 77 годами, США 71 и 78 годами, Швеции 74 и 80 годами. Соответственно, в возрастных группах 70-74 и 75-79 лет число мужчин на 1000 женщин составило, например, в Бельгии 709 и 585, во Франции 709 и 608, в Швейцарии 732 и 624 и т.д.

Мужская сверхсмертность, естественно, сама требует соответствующих объяснений. И среди них борются два противоположных методологических подхода — социальный и биологический. Согласно первому, повышенная и более ранняя смертность мужчин в развитых странах обусловлена, прежде всего, спецификой их профессиональной и общественной занятости: служба в армии, работа в особо тяжелых условиях при повышенном риске, высоких нервных перегрузках, повышенном в этой связи уровне профессиональной заболеваемости и травматизме. Несомненный вклад в сверхсмертность вносят и многие особенности современного мужского образа жизни, для которого характерны, с одной стороны, резкое сокращение физических нагрузок, что отрицательно сказывается на многих морфофизиологических процессах в организме, эволюционно ориентированных на эти нагрузки, а с другой стороны, резкий рост т.н. "вредных привычек" — курение, алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.

В отличие от социальной, биологическая интерпретация мужской сверхсмертности исходит из того, что "у большинства изученных животных самка живет дольше самцов... В человеческом обществе продолжительность жизни женщин всегда больше, чем таковая мужчин. Повышенная жизнеспособность женщин объясняется как особенностями хромосомного аппарата, так и всего организма" (Бердышев Г. Эколого-генетические факторы старения и долголетия. Л., 1968. С. 9). Эта точка зрения весьма популярна в околонулевой литературе, особенно в публицистике. К науке она серьезного отношения не имеет, ибо не учитывает всего многообразия относящихся к данному вопросу фактов. И, в частности, того немаловажного обстоятельства, что в странах с "молодой" возрастной структурой (а их до сих пор абсолютное большинство!) половая асимметрия общества, как правило, приобретает прямо противоположную выраженность на основе уже не мужской, а женской сверхсмертности:

Страна	Год	Удел, вес возраст, группы в населении, %		На 1000 женщин приходилось мужчин
		<i>0-15</i>	<i>60 и старше</i>	
Индия	1986	37,7	6,3	1067
Иордания	1985	48,0	4,0	1097
Иран	1984	43,4	5,4	1068
Ирландия	1984	29,4	14,5	1009
Пакистан	1981	44,5	6,9	1105
Сирия	1986	49,3	6,4	1044
Турция	1980	39,1	6,5	1030
ЮАР	1980	37,7	6,3	1034

В отличие от мужской, женская сверхсмертность никогда никакой дискуссии относительно своих причин не вызвала, ибо они были вполне очевидны: сохраняющаяся в этих странах традиционная для аграрных обществ дискриминация женщин, дополняемая сохраняющейся высокой смертностью при родах. Соответственно и средняя продолжительность жизни у мужчин в этих странах либо выше женской, либо приближается к ней в меру начавшихся в последние десятилетия процессов модернизации.

Подводя итоги сказанному, можно отметить наличие вполне определенной исторической тенденции в эволюции полового состава общества: в странах традиционно аграрной культуры с их "молодой" возрастной структурой и отчетливо выраженной женской сверхсмертностью, как правило, имеет место маскулинизация полового состава общества.

С рождением индустриального общества и становлением на его развитой стадии "старой" возрастной структуры и отчетливо выраженной мужской сверхсмертности развивается хорошо представленная феминизация полового состава общества. Но этот процесс противоречив, ибо определяется тенденциями мужской смертности. Ее сокращение в развитых странах в последние четверть века вызвало и некоторые попятные движения, связанные с ростом удельного веса мужчин в трудоспособных возрастах. Но изменить общеисторическую направленность эволюции полового состава населения в индустриально развитом обществе эти подвижки не могут.

Это можно наглядно проиллюстрировать и эволюцией полового состава России-СССР. Согласно переписи населения 1897г., на 1000 мужчин в России приходилось 999 женщин, причем если в европейской части России уже было женское преобладание, то, например, в Средней Азии на 1000 мужчин приходилось лишь 857 женщин. Перед первой мировой войной — в 1913г. — удельный вес мужчин составлял уже 49,7%. Позднейшие переписи населения СССР обнаруживают такую эволюцию полового состава:

Год переписи	Уд. вес муж., %	Уд. вес жен., %
1926	48,3	51,7
1939	47,9	52,1
1959	45,0	55,0
1970	46,1	53,9
1979	46,5	53,5
1989	47,1	52,9

На этих цифрах сильно сказались как мужские потери времен гражданской и Великой Отечественной войн, эпохи репрессий, так и их преодоление в последующих поколениях. Но общая тенденция феминизации полового состава российского общества выражена вполне очевидно.

Историческая динамика

половых ролей и половая стратификация Историческая динамика присуща не только количественным аспектам половой структуры.

Еще резче она выражена качественно — в истории общественных (ролевых) взаимоотношений полов. Правда, до середины XX в. очень немногие, но среди них Л.Г.Морган, Ф.Энгельс, Э.Дюркгейм, — подозревали о существовании этой истории. В науке, как и в обыденном сознании, в основном господствовала "сама собою разумеющаяся" убежденность в том, что эти отношения в силу их "естественной взаимодополнительности" всегда были и будут такими же, к каким мы привыкли за истекшие столетия. Развитие наших знаний о ранних ступенях существования человечества, с одной стороны, кардинальные перемены во взаимоотношениях полов в современном зрелом индустриальном обществе, с другой стороны, с полной очевидностью обнаружили

всю ограниченность подобных представлений. Оказалось, что применительно к условиям первобытного общества вообще нельзя говорить о какой-то единой полоролевой модели взаимоотношений: в одних первобытных коллективах просто не удастся обнаружить сколько-нибудь выраженных принципиальных различий в правах и обязанностях полов, они здесь нивелированы, в других наблюдаются сугубое многообразие и прямая альтернативность конкретных ролевых форм этих взаимоотношений. Социальная ориентированность полов, их трудовые и бытовые взаимозависимости, роль в социализации детей, даже оборонные функции оказались совершенно по-разному представленными в разных родоплеменных образованиях.

Соответственно, в архаических обществах не обнаруживается и какое-либо единство в социальной стратификации полов: она представлена как известной унифицированностью положения полов ("половой параллелизм"), так и прямым мужским доминированием. В этой связи необходимо особо отметить, что фактами женского доминирования, подтверждающими еще недавно очень популярную концепцию матриархата, современная наука не располагает.

С возникновением аграрного общества положение в корне меняется: родившееся в ходе неолитической революции общественное разделение труда одним из своих проявлений имело становление унифицированной межполовой ролевой дифференциации на основе строгой взаимной дополнителности мужских и женских видов деятельности: он — добытчик и защитник, она — хранительница домашнего очага и мать. Становление этой взаимодополнительности на основе биологически predeterminedных половых различий было обусловлено растущим разделением общественной и частной (домашней) сфер жизнедеятельности, сложившимся в ходе формирования семейно организованных экономики и быта ("домохозяйства"). Вся последующая история цивилизации была связана с утверждением и углублением этой полоролевой взаимодополняемости. Европейская реформация поставит последнюю точку в этом процессе, ограничив в протестантской этике круг женской жизнедеятельности знаменитыми четырьмя "К": Kirche, Kinder, Kleider, Kuche.

Несоизмеримость общественной значимости сложившегося на таких началах полового разделения труда и жизнедеятельности

предопределила на тысячелетия и несоизмеримость социальных статусов полов и, соответственно, их четкую стратифицированность. Последнее найдет свое выражение не только в повседневной социальной практике аграрного и раннеиндустриального общества, но и во всех сферах их духовной культуры — религии, фольклоре, языковой практике и т.д. Таким образом, за несколько тысяч лет до наших дней состоялась первая социально-половая ("гендерная") революция, принципиально преобразовавшая взаимоотношения полов и обусловившая их ярко выраженное социальное неравенство: всеобщую привилегированность статуса мужчин и зависимость положения женщин. Отцы библейского Ветхого Завета, рождавшегося как раз в эпоху этой революции, такими словами напутствовали вручаемую Адаму Еву: "... К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою". Как "всемирно-историческое поражение женского пола" справедливо охарактеризует эти ролестатусные трансформации Ф.Энгельс.

За многие тысячи лет существования аграрных порядков человечество настолько свыклось с этой моделью полоролевых взаимоотношений, что они стали восприниматься как нечто атрибутивное. Даже в середине XX в. крупнейшие американские социологи Т.Парсонс и Р.Бейлс сочли возможным написать: "Можно с полной уверенностью утверждать, что роль взрослой женщины и впредь будет связана главным образом с ведением внутренних дел семьи в качестве жены, матери и хозяйки дома, в то время как роль взрослого мужчины будет и впредь сводиться к участию в общественном производстве для поддержания семьи" (Parsons T. Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. N.Y., 1955. P. 14).

Однако развитие индустриального общества сломало как рассматриваемую модель социально-половых взаимоотношений, так и соответствовавшие ей стереотипы еознания и поведения. С середины XX в. просуществовавшая на протяжении всей истории цивилизации полоролевая взаимодополняемость начинает оттесняться в развитых странах быстро формирующейся универсальной взаимозаменяемостью полов в трудовых и бытовых функциях, или, другими словами, большинство трудовых и бытовых функций начинают утрачивать свою половую "привязку", унифицироваться. В основе этого процесса — качественные изменения в характере и масштабах занятости женщин общественным трудом, вызван-

ные этим перемены в их общекультурном, образовательном и профессионально-квалификационном уровне, существенные преобразования в характере домашнего труда ("бытовая революция"). В этой связи можно с полным основанием утверждать, что в индустриально-развитых странах во второй половине XXв. возникает и быстро прогрессирует вторая в истории человечества социально-половая революция, утверждающая на этот раз универсальную ролевую взаимозаменяемость полов и на этой основе — их; социальное равноправие. На Западе эту революцию обычно называют "женской", ибо, действительно, решающая роль в ее осуществлении принадлежала сменившим свой трудовой статус женщинам. Но смена этого статуса, как и существенные преобразования в домашнем быте, не могли не сказаться и на статусе мужчины, поэтому такая характеристика этих сложных комплексных процессов одностороння и неточна.

• Эволюция женской занятости в индустриальном обществе

Итак, в основании отмеченных современных кардинальных перемен в роле статусных взаимоотношениях полов — качественные преобразования в характере и масштабах занятости женщин общественным трудом. Эти преобразования, в свою очередь, — продукт длительной эволюции женской занятости в условиях развивающегося индустриального общества.

Европейское доиндустриальное общество знало три формы массовой женской трудовой занятости: на основе семейно организованного крестьянского и ремесленного домохозяйства; в рамках профессионального труда в средневековых женских (иногда — смешанных) цехах, монополизировавших определенные виды ремесленной деятельности: производство свечей, пива, шляп, шелкопрядение, отдельные виды ювелирного производства и т.д.; в форме домашнего услужения. В любом случае работа строилась на началах взаимодополнительного полоролевого разделения труда, но в качественно разных его формах: полоролевой взаимодополнительности в рамках единичного разделения труда на основе одного и того же вида деятельности ("дети моют и расчесывают шерсть, жена и взрослые дочери — за прялкой, отец семейства и взрослые сыновья — за ткацким станком") и полоролевой взаимодополнительности в рамках профессионально разных видов дея-

тельности. В позднее средневековье цеховая занятость женщин практически изживается.

Вместе с промышленной революцией конца XVIII-начала XIX в. приходит в основном конец и семейно организованной форме женской занятости. Родившееся машинное производство, разорив подавляющую массу мелких товаропроизводителей, обусловило, с другой стороны, широкий спрос на малоквалифицированную и, соответственно, дешевую наемную рабочую силу. И это сделало женский (и даже детский!) фабричный труд вполне конкурентоспособным. Уже к середине XIXв. складываются целые промышленные отрасли — текстильная, швейная, чулочная, табачная — с преимущественно женским трудом. В Великобритании в 1839г. на хлопчатобумажных фабриках женщины составляли 56,2% рабочей силы, на суконных — 69,5, на шелкоткацких и льнопрядильных — 70,5%. Это означало утверждение исторически новой формы женской занятости — общественно организованного наемного труда. Как дополнение к общественно организованному труду существенное значение на протяжении всего XIX в. сохраняла и такая, унаследованная от доиндустриального общества, форма женского наемного труда, как личное услужение. Даже в 70-80-х годах XIXв. в Англии, Швеции, Франции в качестве домашней прислуги было занято 10-12% всех женщин трудоспособного возраста. В России (1897г.) женская прислуга составляла 44% от общей женской занятости.

Вторая половина XIXв. дополнила перечень раннеиндустриальных женских профессий становлением новых профессий, причем преимущественно с известной интеллигентизированностью труда, — "телефонные барышни", конторские и торговые работники, медицинские сестры, учителя младших классов.

В целом, к началу XXв. в развитых индустриальных странах самостоятельным трудом было занято от четверти (США, Швеция) до половины и выше (Австрия, Франция) женщин трудоспособного возраста. К середине века удельный вес женщин в экономически активном населении этих стран устойчиво составлял 25-40%, причем в своем абсолютном большинстве это были женщины, связанные с общественно-организованным наемным трудом, т.е. рабочие и служащие.

Отмеченная массовая женская занятость второй половины XIX — первой половины XXвв. обладала двумя глубоко специфическими особенностями.

Во-первых, по общему правилу, в общественно организованный труд вовлекались преимущественно незамужние женщины. К середине XXв. становится популярной т.н. "американская модель женской занятости", предполагающая профессиональную занятость женщин в периоды до рождения детей и после их поступления в школу. В 1950г. в США в общественном хозяйстве работало 28% матерей, имеющих детей в возрасте 6-17 лет и лишь 12% матерей, имеющих детей в возрасте до 6 лет.

Такая специфическая занятость была возможна лишь в связи со второй принципиальной особенностью женской занятости этой эпохи: женский труд оставался преимущественно малоквалифицированным. Даже в 60-х годах XX в. в США трудом невысокой квалификации занимались 80% работающих женщин. В промышленности они составляли 58% полуквалифицированных, 51% неквалифицированных и только 15% квалифицированных рабочих. В 1970г. доля женщин среди американских врачей составляла 8%, среди юристов — 4%, и инженеров — 0,7%. В те же 60-е годы в машиностроении Великобритании лишь 4% работниц относились к квалифицированному персоналу, доля женщин-инженеров равнялась 0,1%.

Этот стабильный разрыв в квалификационных показателях женского и мужского труда сохранил и в условиях индустриального общества полоролевою взаимодополнительность в системе общественного разделения труда, причем в обеих ее отмеченных формах.

Однако в последней четверти XXв. рассмотренные качественные особенности женской занятости, характерные для нее на протяжении полутора веков, претерпевают глубокие изменения, свидетельствующие о начале нового, постиндустриального этапа эволюции женской занятости. В меру уже известного для этого этапа можно считать типичными следующие моменты.

Во-первых, вовлечение в общественно-организованный труд несомненного большинства женщин. Если в 1965г. удельный вес занятых женщин в общей массе женщин трудоспособного возраста составлял в США 26%, Великобритании — 32, Франции — 28, Швеции - 36%, то в 1983 г. соответственно 61, 58, 54, 77%.

"Одной их самых драматических перемен в последние годы стало увеличение числа женщин, вовлеченных в трудовую деятельность", — так устами социолога Н.Дж.Смелзера американская консервативная мысль оценила эту новую общественную ситуацию (Смелзер Н.Дж. Социология. М., 1994. С. 414].

Во-вторых, столь же явную тенденцию к растущей приоритетности в общей массе женского общественного труда именно квалифицированного труда. В 1984г. женщины составляли 48 % американской квалифицированной рабочей силы, они занимали от трети до половины рабочих мест в сфере финансов и информатики, 39% (1989) должностей менеджеров, ими же контролировалась треть предприятий мелкого бизнеса (1986). Среди врачей и юристов доля женщин выросла до 20%. Соответственно изменился и общеобразовательный уровень занятой женщины: если в 1965г. высшее образование имели 20% занятых американок в возрасте 25-64 года, то в 1985г. - 44%. В ФРГ с 1976 по 1984г. доля квалифицированных работников среди женщин выросла с 49,4 до 67,5%. Во Франции удельный вес женщин в "средних кадрах" (техники, мастера и т.д.) к середине 80-х годов вырос до 46%, в "высших кадрах" - до 27%.

В-третьих, для последней четверти XX в. характерно становление качественно новой структуры женской занятости: на смену традиционной "американской модели занятости" приходит занятость "эры работающей мамы". Уже в начале 80-х годов доля замужних среди занятых женщин составила в США 54%, в Италии — 59, ФРГ — 61, Франции — 67%. В те же годы ровно половина американских мам, родив ребенка, вышли снова на работу; с детьми до 6 лет продолжали работать 60, а с детьми-школьниками — 62% американских матерей. (Для сравнения: в 1950г., соответственно, 12 и 28%). Во Франции доля работающих матерей с одним ребенком составила в 1988г. 82%, с двумя — 68, с тремя и более - 34%.

Что же обусловило эту новую женскую занятость конца XXв.? Американские футурологи Дж.Нэсбитт и П.Эбурдин в нашумевшей монографии "Что нас ждет в 90-е годы " (М., 1992) высказывают следующую гипотезу по этому поводу: женщины оказались конкурентоспособней мужчин относительно требований, предъявляемых к труду разворачивающейся в мире информационной революцией. "Женщины как работники, профессионалы и

предприниматели доминируют в информационном обществе. Если типичным промышленным работником был мужчина, то типичным информационным работником является женщина" (С. 246-247). Свой вклад, несомненно, внесли и другие аспекты рождающегося в развитых странах постиндустриального общества, в частности, истощенность к концу века традиционных ресурсов роста рабочей силы в силу сокращения естественного прироста населения из-за сложившегося в развитых странах суженного режима воспроизводства населения и отмирания аграрной перенаселенности в меру резкого сокращения в XX в. общей численности сельского населения; рост экономической необходимости в дополнительном женском заработке: в американских семьях с доходом до 10 тыс. долларов в 1978г. работало в полтора раза больше женщин, чем в семьях с доходом выше 10 тыс. долларов; существенные перемены в семейном составе современного общества, связанные с прогрессирующим ростом числа неполных семей и женщин-одиночек; сокращение молодежной занятости в силу увеличения времени, затрачиваемого на образование и профессиональную подготовку; растущее сокращение домашней занятости женщин на основе американской и европейской моделей модернизации быта.

Особое место среди факторов, обусловивших анализируемый скачок в женской занятости, занимает достигнутая в большинстве стран индустриального мира к 70-м годам всеобщность среднего и широкая доступность профессионального, в том числе и высшего, образования. В Японии к концу 80-х годов более половины женщин имели образование в объеме средней школы и выше - колледжа и университета. Но чем выше уровень образования женщин, тем выше их общественно-трудовая активность.

**Марксистская концепция
равноправия полов и особенности
эволюции женской занятости
в СССР**

Из сказанного очевидно, что становление качественно нового типа женской занятости в развитых индустриальных странах вы-

ступает одним из аспектов общего глубинного преобразования общества, вступающего в постиндустриальную стадию своего существования. В этой связи бросается в глаза своеобразие эволюции женской занятости в такой высокоиндустриальной стране, как Россия. Она характеризуется ускоренным переходом в совет-

ские годы от унаследованной от старой России типичной для раннеиндустриального общества занятости к непосредственно современному типу женской занятости, практически минуя растянувшийся в странах Запада на целое столетие (вторая половина XIX - 60-е года XX века) рассмотренный второй тип (этап) женской занятости. Уже к 1950г. половина трудоспособных по возрасту женщин СССР была вовлечена в общественно-организованный труд, к концу же 80-х годов, с учетом учащихся, — 89%. Соответственно, в общей массе занятых удельный вес женщин вырос с 19% в 1913г. до 39% в 1949 и 53% в 1970г. Аналогичными темпами росла и квалификационная составляющая женского труда. Уже в 1940г. женщины составляли треть, а с 1960г. — две трети специалистов с высшим и среднеспециальным образованием. В том же 1940г. удельный вес женщин среди врачей и учителей составил 60%, поднявшись в последующем до 70-75%. На рубеже 90-х годов женщины составляли 60% работников умственного труда, 56% студенчества, 40% научных работников, 58% инженеров, 87-89% экономистов и бухгалтеров, половину судей, агрономов и ветеринаров. На тысячу занятых мужчин приходилось с высшим образованием — 138, на тысячу занятых женщин — 148. К моменту обретения Россией самостоятельности, 80% ее занятых женщин обладали средним и выше среднего образованием.

Важно отметить, что рассмотренное становление в России нового, современного этапа женской занятости произошло еще в условиях чисто индустриальных требований к труду, т.е. задолго до информационной революции и постиндустриальности в целом. Это стало возможным в силу сложившихся в СССР специфических субъективных обстоятельств — сознательной целенаправленной реализации Советской властью марксистской концепции равноправия полов. И в этом еще одно принципиальное отличие отечественной эволюции женской занятости от чисто стихийной эволюции занятости на Западе.

Марксистская концепция равноправия полов, активно разрабатывавшаяся на рубеже XIX-XXв. в работах Ф.Энгельса, А.Бebelя, К. Цеткин, В.И.Ленина и многих других марксистов, исходила из тезиса К.Маркса о том, что "общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 486), и предполагала обеспечение подлинного и всестороннего равенства по-

лов на основе полной и всесторонней ликвидации всех форм и проявлений половой дискриминации. Предложенная программа действий по достижению этого результата предусматривала три основных пласта деятельности: во-первых, снятие всех формальных (правовых) актов дискриминации женщин — в политических и социальных правах, оплате труда, доступности образования и т.д. Во-вторых, широкое вовлечение женщин в общественно-организованный труд, обеспечивающее их материальную независимость и выравнивание с мужчинами в области образования и квалификации. Но все это возможно лишь при решении третьей группы задач: устранении вынужденной привязки женщин к домашнему быту на базе превращения домашнего труда в отрасль народного хозяйства, а воспитание детей — в функцию общества. В ходе социалистических преобразований российского общества первая из этих задач была успешно решена еще на первых шагах Советской власти. Как мы выше видели, в основном была решена и вторая группа задач. Но, к сожалению, третья — семейно-бытовая — группа задач оказалась решенной лишь частично — необходимого бытового раскрепощения женщин не произошло. Это обусловило как типичную для женщин нашей страны ситуацию "двух воев" — в труде и в быту, так и явные тенденции в последние десятилетия Советской власти к сдерживанию роста квалификационных показателей женского труда. Так, составляя 56% студенчества и 40% научных работников, женщины устойчиво обладали лишь 28% кандидатских и 14% докторских ученых степеней. В промышленности средняя квалификация женщин десятилетиями лет оставалась на разряд ниже мужской, хотя — и в этом явный парадокс — общеобразовательный уровень занятых в промышленности женщин в общем случае был выше мужского.

**Социально-экономические
последствия новой модели роле-
статусных взаимоотношений
полов**

Возвращаясь к общемировым процессам, характеризующим современные ролевые взаимоотношения полов,

отметим ряд экономических и социальных последствий этих процессов. Среди них важнейшее место, безусловно, принадлежит факту величайшей общественной важности — постепенному превращению женского труда на рубеже XXI века в главную производительную силу общественного труда. В количественном аспек-

те это уже имеет место в России и других государствах — преемниках СССР, вплотную приблизились к этому результату на рубеже 90-х годов Финляндия — около 50% женщин в общей трудовой занятости, Швеция — 47, США и Дания — 45, Франция — 43, Великобритания и Япония — свыше 40%. Если сохранятся до конца века и нынешние темпы роста квалификационных показателей женского труда, то и в качественном (квалификация) аспекте трудовой приоритет перейдет в руки женщин.

Таким образом, отмеченная выше количественная феминизация полового состава развитых стран находит свое дополнение и в нарастающей качественной феминизации основных областей общественной деятельности современного общества.

Не менее выразительны и социальные последствия рассмотренных выше перемен: повсеместное постепенное утверждение формального гражданского равноправия полов (Советская Россия была первым государством в мире, провозгласившим в Конституции 1918г. правовое равенство мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни), массовый переход к малодетной семье и становление в этой связи устойчивого режима суженного воспроизводства населения; растущее ограничение роли женщины-матери в социализации детей; преобразование брачных отношений на началах консенсуальности, эгалитарности и повременное™, преодоление двойного стандарта полового поведения ("сексуальная революция XXв.").

Психологические стереотипы пола, их детерминация и динамика Типичная для данного общества ролевая выраженность полов имеет и свою субъективную сторону: складывающиеся на ее основе психологические стереотипы мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). В этих стереотипах отражаются нормативные для данных ролеватусных отношений представления о телесных, психологических, социально-поведенческих характеристиках полов. Вопреки обыденной убежденности в том, что различия в психике и поведении полов непосредственно вытекают из биологических отличий мужчин и женщин и посему неизменны, вечны (в современной науке такая точка зрения получила название сексизма), реальная природа половых стереотипов обнаруживает, за немногими исключениями (например, транскультурное восприятие женщины как по-

тенциальной матери), сугубо социально культурное и поэтому всегда конкретно-историческое происхождение. Соответственно, всякая существенная ломка сложившихся полоролевых взаимоотношений всегда сопровождается не менее существенной ломкой половых социально-психологических стереотипов.

Социология пола {"гендерсоциология"}

В связи с многозначностью термина "пол", несущего груз биологических, сексуальных и собственно социальных характеристик, в современной социологии для обозначения пола в его социальном аспекте все чаще используется термин "гендер" (англ. gender — род). Соответственно, и социология пола все чаще именуется гендерсоциологией, а проводимые ею исследования — тендерными исследованиями. Преимущественный объект их анализа — полоролевая дифференциация и связанные с нею культурные символы и социально-психологические стереотипы "мужественности" и "женственности", рассматриваемые в их временном и социально-пространственном многообразии. Поскольку методологической базой тендерных исследований являются, как правило, марксизм и разнообразные вариации феминизма, постольку в центре внимания обычно оказываются проблемы стратификационного порядка. В последние десятилетия все больше внимания привлекают проблемы половой идентификации и социализации.

Институционально социология пола еще только складывается, и многие типично тендерные исследования проводились и проводятся в рамках смежных наук, что делает границы гендерсоциологии несколько неопределенными. Принципиальная ограниченность современной социологии пола и в ее фактическом совпадении с "социологией женщин". Проблемы мужчин как социальной группы фактически еще даже не поставлены.

В отечественной литературе собственно тендерные исследования (не путать с "социологией женщин"!) еще только начинаются. Можно отметить подборку статей о зарубежной гендерсоциологии в журнале "Социологические исследования". (1992. N 5); проблемную статью Г.Г.Силласте "Тендерные исследования" (Там же. 1992. N 6); обзорную статью П.А.Гурко "Тендерная социология" в кн.: "Социология в России". М., 1996.

3. Возрастная структура (стратификация) общества

Исследования возрастной структуры населения всегда находились в центре внимания мировой социологии. Не случайно, уже социологами первого поколения была обнаружена многообразная зависимость явлений общественной жизни от состояния ее возрастных параметров. Так, на уровне общественного благосостояния всегда сказывается соотношение производительного и непроизводительного (по возрасту) населения, на уровне рождаемости — число женщин в детородном возрасте, на обороноспособности страны — число мужчин призывных возрастов, на состоянии общественного здоровья — соотносительный вес возрастных групп населения. И уже О.Конт обращал внимание на зависимость общественной активности населения и его готовности к новациям от особенностей возрастной структуры общества.

Возрастная структура общества, ее типология и эволюция

Под возрастной структурой (стратификацией) общества понимается распределение населения по возрастным группам и склады-

вающаяся система взаимоотношений между ними. На возрастное распределение решающее влияние оказывают показатели рождаемости и смертности населения, а в известных случаях — иммиграции. Поскольку эти показатели, как мы уже знаем, очень чутко реагируют на смену общественных условий, постольку и возрастная структура в своих характеристиках непостоянна и известна в двух исторически устойчивых формах своего существования.

Во-первых, в форме т.н. молодой (или "прогрессивной") возрастной структуры. Она типична для обществ традиционной культуры с их высокой рождаемостью и высокой же смертностью и характеризуется высоким удельным весом детей (0-14 лет) и, наоборот, очень низким - стариков (60 лет и старше). Таковы и сегодня возрастные структуры большинства афроазиатских и латиноамериканских стран: Кения (1985) — 51,3 и 3,4%; Сирия (1986) - 49,3 и 6,4%; Индия (1986) - 37,7 и 6,3%; Мексика (1985) - 41,8 и 5,4%.

Во-вторых, в форме т.н. старой (или "регрессивной") возрастной структуры, формирующейся в высокоразвитых странах с ха-

ракторной для них низкой рождаемостью и смертностью и представленной невысоким и продолжающим падать удельным весом детей и высоким и продолжающим расти — стариков. Такова сегодня возрастная структура Австрии (1986) — 17,9 и 20,1%; Дании (1986) - 18,3 и 20,3%; ФРГ (1985) - 15,1 и 20,4%; Швейцарии (1986): 17,5 и 19,1%; Швеции (1986) - 17,4 и 23,6%.

Между этими формами возрастной структуры вполне определенная взаимосвязь: под влиянием последствий демографической революции вторая возникает на основе первой. Сам же переход от одной исторической формы существования возрастной структуры к другой получил название "эволюции возрастной структуры". Многие из развитых стран современности, в частности, Россия, находятся сейчас как раз на разных стадиях этой эволюции:

Россия	1959	29,2	9,0
	1995	21,5	16,6
Канада	1961	34,0	10,8
	1986	21,3	15,1
США	1960	31,1	13,2
	1986	21,6	16,6
Япония	1960	30,0	8,9
	1985	21,5	14,8

Шведский демограф конца прошлого века Г.Зундберг, предложивший рассмотренную типологию форм возрастной структуры, выделял еще и третью форму — стационарную возрастную структуру. Для нее характерна известная равновесность удельных весов "малых" и "старых". Дей-

ствительно, в исторической практике такие возрастные состояния встречаются, например, в современных Великобритании, Бельгии, Норвегии удельные веса детей и стариков почти совпадают — по 19-20%. Однако такие равновесные состояния кратковременны, всегда составляют одну из стадий эволюции от молодой возрастной структуры к старой и поэтому рассматриваться в качестве самостоятельной исторической формы существования возрастной структуры не могут.

Возрастная дифференциация Распределение населения по возрастным группам может строиться на разной критериальной основе. Двухвековой опыт статистики, демографии, социологии позволил выделить четыре основных подхода (среза) к дифференциации возрастных групп: когортный, поколенческий, генеративный и трудо-возрастной.

Когортная возрастная структура представляет собой последовательное распределение населения по годовым возрастным группам — от одного года и выше. Возможно и объединение нескольких смежных годовых групп в одну "укрупненную когорту" — четырех-, пяти-, десятилетнюю. Таким образом, когорта — совокупность сверстников, т.е. лиц одного и того же возраста. Как социальная общность характерна безусловной объективностью и единством реальных и номинальных черт в своем существовании. С одной стороны, объединение сверстников — типичный пример условной (номинальной) статистической совокупности, лишенной всякой реальной внутренней связи. Но, с другой стороны, социализация и дальнейшая жизнь сверстников протекают в одних и тех же внешних условиях, они вместе поднимаются по возрастным ступеням, и это не может не сплечь их, не может не накладывать на них известного целостного отпечатка, придающего и некоторую реальность существованию когортных групп. В этой связи в научной литературе обсуждается вопрос об исторических масштабах этой когортной реальности. В.В.Никитенко высказывалась мысль, что в традиционно-сословном обществе в меру принципиального разрыва в условиях существования и социализации разных социальных групп не могла формироваться сколь-нибудь реальная когортная целостность. С этой точки зрения, формально имея место в любом обществе, реальные аспекты своего существования когортная структура обнаруживает лишь в современном обществе (Никитенко В.В. Демографический анализ поколений. М., 1979).

Когортная последовательность возрастов позволяет прежде всего получить точную картину возрастного разреза данного общества на данный момент времени. Но еще большую познавательную значимость имеет анализ эволюции когортной структуры, позволяющий вскрыть реальные тенденции развития возрастной структуры и детерминирующие их факторы, а значит, и получить возможность при необходимости воздействовать на эти факторы и тенденции.

Народонаселение как система поколений

Под поколением понимается возрастная группа, взятая в единстве с присутствующими ей в данном обществе социальными ролями. Для поколенческой группы детей, например, характерны семейное или общественное иждивение, процессы начальной социализации, игровые формы жизнедеятельности, половое созревание и т.д. Набор этих и других ролевых признаков позволяет идентифицировать принадлежность индивида именно к этой возрастной группе без особых затруднений. Не менее очевидна и ролевая специфика других поколенческих групп — молодежи, среднего возраста, стариков. Иными словами, в поколенческом подходе к анализу возрастной структуры фиксируется не только количественная сторона этой структуры (определенный возраст), но и ее качественный аспект (ролевые функции).

Значение ролевого своеобразия поколений непереоценимо. Ибо, с одной стороны, именно в этом своеобразии сама критериальная основа выделения поколений. С другой стороны, именно ролевая специфика ответственна за конкретный социальный статус данной группы, ее престижное или, наоборот, дискриминируемое место в иерархии стратификационных отношений данного общества. И, наконец, в-третьих, именно своеобразие ролевых функций, присущих разным поколениям, и обуславливает их тесную взаимосвязь, позволяющую рассматривать поколенческую структуру общества как некую внутренне единую систему поколений.

Уже первые шаги рождавшейся в прошлом веке социологии (Конт, Маркс, Спенсер) были связаны с установлением принципиальной основы взаимосвязи поколений: старшие поколения аккумулируют созданную человечеством культуру и транслируют ее подрастающим поколениям. Аккумуляция и трансляция культуры — такова объективная основа единства поколений, вне которой общества нет. Но в этом единстве есть свои противоречия. Усвоение накопленной культуры в ходе социализации подрастающих поколений всегда происходит в более или менее, но изменившихся условиях жизни общества. И восприятие сложившейся культуры молодыми всегда связано с ее большими или меньшими трансформациями в меру происшедших общественных изменений. Не простое усвоение молодыми людьми накопленных старшими поколениями культурных богатств, а их адаптация и транс-

формация в свете меняющихся условий жизни — такова закономерная и необходимая для нормального функционирования общества преемственная взаимосвязь поколений.

Но у этой объективной преемственности есть и свой субъективный аспект: взаимооценка поколениями друг друга. В условиях слабоменяющейся общественной жизни, что было типично для традиционных обществ, различия в формах жизнедеятельности и мировосприятия у сосуществующих поколений были минимальны ("Прошлое взрослых оказывалось будущим каждого нового поколения; прожитое ими — это схема будущего для их детей" (М.Мид), что поддерживало достаточную стабильность в их отношениях. Но в эпохи крутых общественных переломов ситуация менялась ("Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие". — М.Мид), порождая хорошо известные в истории человечества т.н. "конфликты поколений", т.е. остро выраженные неудовлетворенность и недовольство друг другом. Но "конфликты поколений" неверно рассматривать как нечто отрицающее преемственность поколений или противостоящее ей, как "разрыв поколений". Дело в том, что вне преемственности поколений, т.е. при разрыве ее, жизнь общества невозможна, другой формы социализации молодых, кроме поколенческой, общество не знает. Поэтому "конфликт поколений" — не что-то извне противостоящее преемственности поколений, как это нередко трактуется, в частности, и в фундаментальной работе М.Мид "Разрыв поколений", а конкретная, экстремальная форма этой преемственности.

Поскольку, как мы уже отметили, вне системы поколений общественная жизнь невозможна, постольку понятна заинтересованность общества в наличии каких-то механизмов, гарантирующих поддержание должного единства поколений. В разных общественных условиях эти механизмы, естественно, различны. Так, в аграрном обществе с его институтом собственности (или владения) как основы существования и статуса практически всего населения, огромное интегрирующее значение имел механизм наследования этой собственности, позволявший обеспечить должный контроль старших над младшими, весь будущий статус которых определялся этой собственностью. В социальной сфере такую же интегрирующую роль играли концентрация знаний и практических навыков в руках старших, а также традиционная семья с ее четким половозрастным разделением семейного труда, социализи-

рующей ролью и социальной защитой нетрудоспособных. В политической сфере вся власть концентрировалась опять-таки в руках старших, что исключало саму возможность какого-то самоопределения молодежи.

С утверждением индустриальных порядков рассмотренная жесткая система поколенческой интеграции существенно смягчается, приводя к все более выраженной автономизации поколений. В ряде стран, например, в США, эти тенденции к автономизации зашли так далеко, что породили вызывающие большую тревогу явления т.н. "поколенческого изоляционизма". В основе этих процессов, прежде всего, уход в прошлое указанных механизмов интеграции, а с другой стороны — гораздо меньшая жесткость пришедших им на смену в индустриальном обществе механизмов поколенческого единства. К современным факторам поддержания этого единства могут быть отнесены, во-первых, рост времени социализации подрастающих поколений, сохраняющий контроль старших над молодыми до гораздо более высоких возрастных показателей, нежели в прошлом. Завершение образовательной и профессиональной подготовки сегодня происходит в 22-25 лет, а число молодых, получивших такую капитальную подготовку, непрерывно растет. Если в 1926 году в нашей стране продолжали учебу лишь 20% пятнадцатилетних и 3 % двадцатилетних, то в 1989г. работавших в первой когорте практически не было, а во второй продолжали учиться 37%. В группе 20-24-летних продолжал учиться каждый четвертый.

Другой фактор поддержания поколенческого единства в современном обществе — изменившийся характер содержания нетрудоспособных по старости. Если в недавнем прошлом это было делом семьи, то в современном обществе основные расходы по этому содержанию несет непосредственно общество (в лице своих трудоспособных поколений), родившее в XX веке такую систему социальной защиты старости, как всеобщее пенсионное обеспечение.

Смена условий общественной жизни вызывает существенные преобразования и в самой структуре поколенческой организации общества: эволюционируя, она постоянно усложняется. Доиндустриальное общество, как мы далее увидим, не знало группы молодежи, фактически отсутствовала и группа детей, включавшихся в общую повседневную жизнь взрослых уже в 4-5 летнем возрасте.

Н.Дж.Смелзер (Социология. М, 1994. С. 371) констатирует по этому поводу: "В обществах средневековой Европы с детьми обращались как со взрослыми, если они могли жить без постоянной опеки и присмотра. В то время не существовало представления о детстве как отдельном жизненном этапе". Возникшая по итогам неолитической революции группа стариков вплоть до XX века оставалась крайне малочисленной и непредставительной — 3-5% населения. Наконец, на наших глазах в последней трети XX века активно формируется еще одна поколенческая группа — подростков ("тинейджеры"). При этом конкретно-историчны и возрастные границы поколенческих групп: в разные эпохи и в разных странах возрастные параметры детства, юности, среднего возраста и старости не совпадают и обнаруживают большое разнообразие.

Молодежь как поколенческая группа

Под молодежью понимается поколенческая группа, завершающая процесс социализации и закладывающая стартовые условия будущего самостоятельного ("взрослого") существования личности. Ее нижняя граница, четко отделяющая эту группу от детства — обретение личностью половой зрелости, т.е. полной биологической состоятельности. Для разных полов и в разных географических и социальных условиях этот возрастной рубеж специфичен и в документах ООН в качестве его международного стандарта приняты 15 лет. Верхняя граница молодости менее наглядна и образует еще больший возрастной разброс — она связана со становлением социальной зрелости личности, т.е. способности к вполне самостоятельному существованию в обществе. Поскольку в современном обществе социальная зрелость обычно совпадает с завершением общеобразовательной и профессиональной подготовки и началом трудовой самообеспечиваемой деятельности, то возрастные показатели этой зрелости в разных странах оказываются различными. Например, в России они обычно связываются с 28-30 годами. В документах же ООН за обобщенный возраст социальной зрелости принимаются 25 лет. С учетом этого можно сказать, что молодежь — это возрастная группа 15-25-летних, завершающих свое социальное становление и начинающих самостоятельную жизнь.

Нетрудно заметить, что само существование этой поколенческой группы обусловлено возрастным разрывом между време-

нем обретения личностью половой и социальной зрелости. Всегда ли был этот возрастной разрыв? В античном Риме правовое совершеннолетие наступало в 14 лет, в феодальной Западной Европе конца I тысячелетия — в 12 лет, в позднем французском Средневековье удворян — в 14-15, у "третьего сословия" — в 12-13 лет. В российской крестьянской среде конца XIX века самостоятельная жизнь определялась бракосочетанием и выделением после этого общинного надела. Возраст вступления в брак — 16-18 лет - для девушек, 18-20 — для юношей. Сказанное означает, что в доиндустриальных обществах временного разрыва между вступлением личности в половую и социальную зрелость либо не было вообще, либо оно было минимальным. Иными словами, молодежь как возрастная поколенческая группа есть конкретно-исторический продукт развития индустриального общества. В доиндустриальных обществах этой возрастной группы не было.

В современном же обществе молодежь (15-25 лет) занимает очень весомые позиции, насчитывая в начале 90-х годов в своих рядах порядка 1 млрд. человек, т.е. около 1/5 мирового населения. В развитых странах она составляет от 13-14 (Швеция, Япония) до 16% (ФРГ, США) населения, в России (16-29 лет) - 19% населения, 28,5 млн (1994г.).

Являясь возрастной группой, молодежь закономерно воспроизводит в своем составе всю структуру общества, соответственно распадаясь на разнообразные молодежные слои — половые, этнические, классовые, поселенческие, образовательные, профессиональные и т.д. Но структурная дифференциация молодежи обнаруживает и определенную специфику в факте ее распада на три большие подгруппы — учащейся, занятой (включая службу в армии) и безработной молодежи. При этом удельный вес этих подгрупп с течением времени меняется: в начале века абсолютно преобладала трудовая занятость (в 1929г. в СССР 80% пятнадцатилетних и 97% двадцатилетних трудились), сегодня учащиеся составляют в развитых странах от трети до половины молодежи. Резко выросла в последние десятилетия во всем мире прослойка безработной молодежи, стабильно охватывающая от 1/6 до 1/4 ее состава.

Сложности с трудоустройством, приниженное положение молодежи во многих сферах труда и быта, растущие во многих странах трудности с получением общего и профессионального образо-

вания, слабая обеспеченность жильем способствуют росту напряженности в молодежной среде и ее криминализации. В России за пять лет (1989-1994гг.) подростковая преступность выросла на 41%. По количеству преступлений на 100 000 человек впереди опять-таки молодежь.

На положении молодежи существенно сказываются особенности ее социализации в условиях современного общества. И прежде всего — растущие трудности вхождения в самостоятельную жизнь, вызвавшие, например, в отечественном законодательстве тенденцию к искусственному завышению возраста молодежи до 30, а иногда и 35 лет. Эти трудности двоякого рода: с одной стороны, увеличивается время, необходимое для получения соответствующего образования, с другой стороны, растут сложности с трудоустройством, обусловленные как общим снижением трудозатрат в народном хозяйстве, так и растущей конкуренцией со старшими поколениями. Не будем забывать, что средняя продолжительность жизни в XX веке выросла более чем в 2 раза, и легко понять, что при средней продолжительности жизни в 65-75 лет конкуренция поколений на рынке труда существенно иная, нежели при средней продолжительности жизни, например, в 32 года, как это было характерно для России начала века. По переписи 1989г. в СССР при численности молодежи (16-29 лет) в 62 млн. человек на рынке труда было представлено кроме нее еще 58 млн. "отцов" (30-44г.), 38 млн. "дедов" (45-54, 59), а также около 15 млн. работающих пенсионеров. Иными словами, на 62 млн. вступающих в жизнь приходилось 111 млн. человек, уже в ней занятых.

Другая особенность современной социализации — резкое снижение роли семьи, за которой, по сути, остались лишь функции начальной социализации, при столь же резком росте значимости средств массовой информации и бытовой микросреды ("улица"). А это, в свою очередь, обусловило падение эффективности всей традиционной системы общественного воспитания — школы, общественных организаций, церкви и т.д.

Вторая половина XX века ознаменовалась приобретением еще одной значимой характеристики молодежной среды — родилась молодежная субкультура. В определенном смысле она имела место всегда, с рождением самой группы, ибо молодежь всегда отличалась известным своеобразием образа жизни, поведения, ценностей

ных ориентации и даже языка. Но только в 60-70-х годах на гребне массовых молодежных движений протеста это культурное своеобразие приобретает черты принципиального всестороннего противостояния культуре взрослых ("контркультура"). Но вместе со спадом молодежных движений в 80-90-х годах уходит в прошлое и эта агрессивная контркультурность, оставив после себя лишь отчетливо выраженную тенденцию к известной обособленности молодежи в области быта и досуга. Рождение молодежной субкультуры, отражая новые механизмы межпоколенческих взаимоотношений, продемонстрировало и продолжение отмеченных выше процессов поколенческой автономизации.

Старики как поколенческая группа На другом полюсе поколенческой структуры общества — социально-демографическая группа стариков (группа "третьего возраста"). В понимании ее общественной природы сложилось два подхода: административно-хронологический и научно-функциональный.

С точки зрения, первого к группе стариков относятся все лица, достигшие установленного законом возраста — 60 или 65 лет. В меру удобства для целей администрирования и статистики этот подход получил всеобщее признание в государственно-управленческой практике, хотя слабости его очевидны: нивелируются люди совершенно разной реальной трудоспособности, здоровья, активности. С рождением в XX веке массового пенсионного обеспечения по старости складывается и типичная для наших дней разновидность административно-хронологического подхода — отождествление стариков с пенсионерами по возрасту. Этим еще более усиливаются негативные стороны этого подхода, ибо, с одной стороны, в разных странах" границы пенсионного обеспечения очень различны, причем они всегда есть следствие социально-политической борьбы, успехов или поражений рабочего движения, прежде всего, а с другой стороны, не все имеющие право на пенсию по возрасту, ее реально получают в силу разных причин. Например, в СССР в 70-х годах более трети лиц, имевших право на пенсию, это право не реализовывали, продолжая работать.

В силу сказанного, в научной литературе преобладает функциональный подход к пониманию старости, в рамках которого на первый план выдвигаются не формально-возрастные показатели, а

реальная возрастная смена жизненных функций, связанная с прогрессирующей утратой работоспособности по возрасту. Иными словами, старчество, конечно, имеет свои биологические корни, но сущность его — социальна, она в утрате работоспособности, а не просто в достижении определенного возраста.

Утрата работоспособности закономерно ведет к трем главным проявлениям старчества. Во-первых, к потере материальной самообеспечиваемости и, соответственно, переходу к существованию на основе какого-то вида иждивения — государственного, семейного, благотворительного. Так, в возрастной группе мужчин старше 65 лет вне занятости общественным трудом в 1985 году пребывало от 88-90% (США, Канада, Швеция) до 95% (Франция, ФРГ). Во-вторых — к прогрессирующей утрате возможностей бытового самообслуживания. И в-третьих — к прогрессирующему распаду имевшихся в прошлом социальных связей, смене ролевых функций, вызванных кардинальной переменой условий жизни. Если этот процесс заходит далеко, то имеет место люмпенизация стариков, их большая или меньшая изоляция от общественной жизни. В этом отношении особенно разрушительно сказывается утрата семейных связей. В США вне брака в 1975 году находилось 53% женщин в возрасте 65-74 года и 78% — в возрасте старше 75 лет. В СССР в 1970г. вне брака находилось 64% женщин старше 60 лет и 83% — старше 70 лет. При этом каждая пятая горожанка старше 60 лет вела одинокий образ жизни, а среди сельских женщин — каждая четвертая.

Естественно, что все эти типичные явления старчества проявляют себя в зависимости от конкретного возраста по-разному, в силу чего обычно выделяются три возрастные подгруппы старчества:

— подгруппа пожилых: 60-74 года. Растущая утрата трудовых и других социальных связей при сохранении способности к бытовому самообслуживанию и специфичной компенсационной социальной активности: увлечение общественными делами, туризм, дачные интересы и т.д.;

— подгруппа престарелых: 75-89 лет. Трудовая и общественная активность практически отсутствует, прогрессирующая утрата способности к самообслуживанию, развитие т.н. старческих заболеваний;

— подгруппа долгожителей: 90 лет и старше. Определяющая специфика подгруппы — жизнь за пределами типичной для современности средней продолжительности жизни.

Такая сложная структура старчества, как и высокий удельный вес стариков в населении, — продукт XX века. В условиях первобытности с их 20-летней средней продолжительностью жизни группа стариков практически отсутствует. Любопытное отражение этого мы находим в Библии: после выхода из Египта Моисей провел перепись ушедших с ним евреев-мужчин старше 20 лет. Спустя 38 лет он провел вторую перепись. В числе вновь переписанных "не было ни одного человека из исчисленных" в первую перепись, т.е. мужчин, доживших до 60 лет. В аграрном обществе старчество уже имеет место, но лишь как слабо выраженное явление. Доля 80-летних во французском населении 1776 года — 0,4%, 1801-го — 0,5%, 1851-го - 0,7%, 1901-го - 1,0%. В Эстонии начала XIX века доля лиц старше 60 лет составляла 3,3%, а тех, кому за 65 лет, — 1,4%. Положение меняется лишь в ходе демографической революции XIX-XX веков, одним из следствий которой, как мы знаем, явилось именно постарение общества, т.е. быстрый рост в населении удельного веса лиц старше 60 лет: в 80-х годах он составил: в США - 16%, Франции - 18%, Италии - 19%, Германии - 10%, Великобритании — 21%, России — 16%. При этом и в самой группе стариков обнаруживается тенденция к ускоренному росту именно старших возрастных подгрупп. Так, в США доля лиц 65-69 лет сократилась с 38% в 1960 г. до 33% в 1985г., доля же 80-летних выросла с 15 до 21%. В СССР группа 60-69-летних в 1939г. составила 66% от общей численности стариков, но в 1975г. — уже только 59%, а группа 70-79-летних выросла с 26 до 30%, группа 80-летних — с 7 до 10%. По прогнозам, в развитых западных странах к 2010г. доля 80-летних вырастет в общей массе стариков до 24%.

Но если количественно старость занимает все большее место в жизни современного общества, то, с точки зрения социального статуса процесс приобретает прямо противоположную направленность: в современном индустриальном обществе старчество все более утрачивает тот высокий авторитет и приоритетное место в обществе, которым оно обладало в прошлом. Причины этого известны. В аграрном обществе старшие возрастные группы концентрируют в своих руках основу существования этого общества — собственность, а также знания, помноженные на жизненный

опыт, т.е. олицетворяют в глазах современников жизненный успех, прочность социального положения. Индустриализация общества обратила подавляющую массу населения в работников по найму, а современная НТР, новейшие технологии и быстрый темп общественных преобразований в очень многом обесценили знания и жизненные навыки старших поколений. Из привилегированного и очень почетного слоя населения старчество быстро превращается в одну из наиболее дискриминируемых групп населения. В массовом сознании сегодняшних американцев, констатирует Н.Дж.Смелзер (Социология. М, 1994. С. 362), "старость ассоциируется с чем-то нежелательным, неприятным, даже отвратительным". Неудивительно, что старики приобретают в силу этого "самый низкий статус среди взрослого населения в нашем обществе".

Немалую роль в таком негативном восприятии стариков играет незавидное материальное положение многих из них. Однако, если брать группу стариков в ее целостности, то материальный статус ее оказывается не столь однозначным, что естественно в условиях социально неравного рыночного общества. Так, в США на долю старых приходится 28% всех доходов американских семей, им принадлежит 80% вкладов в банки и сберкассы. Стоимость их имущества, накопленного за долгую жизнь, вдвое превышает стоимость имущества всех остальных семей. Во Франции 80-х годов 64% пенсионеров — собственники жилья, 82% имеет сберкнижки, ценных бумаг им принадлежит в 2,3 раза больше, чем остальному населению. Но с другой стороны, все эти блага сконцентрированы очень неравномерно, и в той же Франции 70% доходов стариков — от пенсии, а в Великобритании даже 82%. Между тем средняя величина пенсий составляет от половины прежней зарплаты (Великобритания, США, Франция, Япония) до ее двух третей (Бельгия, Скандинавские страны, ФРГ).

Генеративный срез возрастной структуры

Осознание наукой возрастного многообразия людей уходит корнями в античную древность. Уже Геродот сообщает нам, что три поколения образуют столетие. Но сами "поколения" здесь понимаются своеобразно, как генеалогическая последовательность возрастных групп прародителей — родителей — детей. Поскольку средний промежуток времени, отделяющий

эти генеалогические поколения, или, как принято говорить сегодня, "генерации", около 25-30 лет (от рождения ребенка до появления его потомства), то генерации можно рассматривать не только как специфические возрастные группы, но и как специфические временные отрезки. Именно в этом смысле говорят и сегодня о каком-то числе поколений, отделяющих нас от какого-то события.

На рубеже XIX-XX веков уже упоминавшимся нами шведским демографом Г.Зундбергом была сделана попытка обобщения и формализации генеративного подхода к возрастной структуре. Им была предложена стабильная возрастная сетка для всех трех условных генераций: дети 0-14 лет, родители — 15-49, прародители — 50 лет и старше. При этом шведский демограф высказал гипотезу, что удельные веса поколений детей и прародителей могут колебаться, но доля родителей всегда постоянна — около 50% населения. Это и поддерживает возрастную структуру в исторически стабильном состоянии. Предложенный "закон равновесия возрастной структуры" испытания временем не выдержал, доля родителей оказалась столь же динамичной, но сама предложенная Г.Зундбергом трехвозрастная модель населения прочно вошла в науку, послужив при этом одной из составляющих крупнейшего обобщения XX века в области теории возрастной структуры — концепции трудовозрастной структуры населения.

Трудовозрастная структура общества Трудовозрастная структура общества группирует население в зависимости от его способности к труду (или, другими словами, по типичному источнику дохода) в три возрастные группы: население трудоспособного возраста и население моложе и старше трудоспособного возраста.

Конкретные возрастные параметры этих групп всегда историчны, и определяются особенностями социально-экономических условий и действующим законодательством. Нижней границей трудоспособного возраста в нашей стране в 20-х годах были 18 лет, с начала 30-х — 14 лет, с середины 30-х — 16 лет, с 1940г. — снова 14 лет, с 1956г. - 16 лет. В США до 1940г. - 10 лет, с 1940 — 14 лет, в настоящее время — 16 лет. В Италии сохраняется планка 14 лет, во Франции, ФРГ, Японии ее подняли до 15 лет, в Великобритании, Швеции — 16 лет. Столь же многообразна верхняя граница трудоспособного возраста, тем более, что она часто

дифференцирована по половому признаку: в СССР в 20-30-х годах - 50 лет, с 1956г. для мужчин — 60, женщин — 55 лет. Такая же граница в Италии. В большинстве же стран в начале века верхним порогом работоспособности считались 70 лет, сегодня в основном 65 лет. В международных документах обычно принимается такая сетка трудовозрастной структуры: трудоспособный возраст 15-64 года, моложе трудоспособного — до 14 лет включительно, старше трудоспособного — 65 лет и старше. Но нередко границы первого определяются в 15 — 60 лет.

Понятие "население трудоспособного возраста" нельзя смешивать, во-первых, с понятием "трудоспособного населения"; второе шире первого, включая в свой состав и работающие части населения двух других групп. Во-вторых — с понятием "производительное население". Последнее охватывает лишь реально занятых в народном хозяйстве, т.е. оно уже рассматриваемого понятия.

На трудовозрастной структуре общества очень резко сказываются последствия его демографического старения: падает удельный вес группы моложе трудоспособного возраста, быстро растут доли трудоспособных и тех, кто старше трудоспособного возраста:

	1970			1985		
	0-14	15-64	65+	0-14	15-64	65+
Весь мир	36,6	57,9	5,5	33,7	60,6	5,7
СССР	28,6	63,6	7,8	24,7	66,0	9,3
Зарубежная Европа	24,9	63,7	11,4	20,9	66,7	12,4
Зарубежная Азия	38,9	57,0	4,1	35,0	60,6	4,4
Африка	44,1	53,0	2,9	45,4	51,5	ЗД
Америка	36,4	57,2	6,4	31,6	61,2	7,2
Океания	32,2	60,5	7,3	28,6	63,3	8,1

Эти перемены обостряют и без того всегда повышенный интерес к т.н. демографической нагрузке трудоспособного населения, т.е. к величине массива иждивенцев по возрасту (т.е. групп моложе и старше трудоспособного возраста), приходящегося на группу трудоспособного возраста. Демографическая нагрузка рассчитывается с помощью трех специальных коэффициентов:

— коэффициента нагрузки детьми, исчисляемого процентным отношением числа лиц в возрасте моложе трудоспособного к численности лиц трудоспособного возраста;

— коэффициента нагрузки пожилыми, исчисляемого аналогично;

— суммарного коэффициента нагрузки, равного сумме предыдущих коэффициентов.

Хорошо изученная историческая динамика этих коэффициентов бесспорно свидетельствует о двух устойчивых тенденциях в индустриально развитом обществе: вместе с постарением населения падает нагрузка детьми и возрастает нагрузка пожилыми. Сложнее ответить о тенденциях эволюции суммарного коэффициента нагрузки: применительно к разным странам они различны в меру разнообразия темпов падения первого и роста второго коэффициентов, а также неоднозначных для разных стран темпов прироста самого трудоспособного населения. Применительно же к населению России — СССР — РФ последнего столетия мы получаем такую статистическую кривую:

на 1000 человек в возрасте 16-59 лет приходилось нетрудоспособных по возрасту:

	0-15	60 и ст.	Всего
1897	776	131	907
1926	760	160	920
1939	700	160	860
1959	530	210	740
1970	570	280	850
1995	403	355	758

На конкретные показатели коэффициентов нагрузки большое влияние оказывают законодательно установленные границы трудоспособного возраста. И если в России (1995) на тысячу трудоспособных по возрасту (16-54, 59) приходится 758 нетрудоспособных, то в ФРГ (1989) с ее границами трудоспособности 15-64,64 — только 492. Столь же весомо, хотя и кратковременно, влияние демографических волн: так, в России 2001 года Госкомстатом РФ предполагается снижение нагрузки до показателя 660, а в 2006 году — даже до 582, что будет связано не только с постоянно дей-

ствующим фактором падения рождаемости, но и сокращением численности старшей группы в силу ее пополнения на рубеже XX-XXI в. малочисленными когортами военных лет.

В целом можно сказать, что часто высказываемая тревога по поводу роста демографической нагрузки в ходе постарения населения пока что мало обоснована: стабильное падение рождаемости и рост доли группы трудоспособного возраста, как правило, перекрывают эффект роста старшей группы. Но при этом надо иметь в виду, что "средняя величина экономического бремени одного престарелого на 20-25% больше средней величины экономического бремени одного ребенка" (А.Сови. Проблемы народонаселения. М., 1977. С. 195). Иными словами, экономического баланса по принципу "стариком больше — ребенком меньше" для общества не существует, ибо экономическая "цена" каждой трудовозрастной группы различна. Она складывается из масштабов характерного для группы потребления (питание, одежда, жилье, медицинское обслуживание и т.д.) и специфических инвестиций, характерных для нужд именно данных групп (детские учреждения, школы, профессиональная подготовка и переподготовка, сфера рекреации, геронтологические учреждения и т.д.). Эти расходы исчисляются специальным показателем, производным от демографической нагрузки, — экономическим коэффициентом нагрузки, исчисляющим экономическую "цену" нетрудоспособных групп соотносительно с аналогичной "ценой" самой трудоспособной группы. Проведенные в 60-х годах группой венгерских специалистов расчеты показали, что средние расходы на содержание молодых и старых иждивенцев по отношению к расходам на содержание трудоспособных образует пропорцию 65:100:85. Конечно, для разных стран и в разное время эта иерархия будет различной.

В заключение этого вопроса отметим, что само становление трудовозрастного среза возрастной структуры конкретно-исторично и непосредственно связано с развитием индустриализма, в рамках которого основным источником существования становится не собственность, а личный труд (подавляющее большинство взрослого населения индустриально развитых стран — 65-85% — работники по найму). Кроме того, в доиндустриальных обществах группы населения, моложе и старше трудоспособного, практически не были представлены: дети включались в повседневную хозяйственную жизнь с 4-5 лет, а доля стариков не вы-

ходила за пределы нескольких процентов, что снимало всякую актуальность вопроса.

Социология возрастных структур

Растущая обостренность возрастных проблем обусловила рост общественного, и значит — и научного интереса к этой проблематике. С половины XX века начинается, в частности, быстрое формирование двух ветвей возрастной "социологии": социологии молодежи и геронтосоциологии. Но пути их развития оказались совершенно различными. Социология молодежи, родившаяся на Западе как ответ на прямой социальный заказ разобраться в вспыхивавших молодежных движениях протеста 60-х годов, так и не смогла выйти за пределы исследования конъюнктурной проблематики: наркомании, политического экстремизма, безработицы, сексуальных отклонений в молодежной среде. Теорией молодости как фазы современного жизненного цикла человека и молодежи как отвечающей этой фазе поколенческой группы она еще не стала. Складывавшаяся на совершенно иной тематике — анализе процессов социалистической социализации молодежи — отечественная социология молодежи, естественно, сегодня также оказалась в состоянии глубокого кризиса.

По-иному сложилась судьба геронтосоциологии, в центре внимания которой сразу оказались не только конъюнктурные, но и основополагающие вопросы — о социальной природе старчества. В анализе этой природы сложилось два основных теоретических подхода к старости.

Во-первых, как к состоянию естественного доживания, определяемому, с одной стороны, растущей (в меру утраты трудоспособности и способности к самообслуживанию) зависимостью от общества (семьи, государства и благотворительных служб), а с другой стороны, растущими возможностями общества предоставить необходимые условия для поддержания жизни старых. В рамках этого подхода еще в 60-70-х годах получили широкую известность концепция "освобождения от дел" Э.Каммингса и У.Генри (старость есть продукт объективного (утрата сил, здоровья) и субъективного — желания "отдохнуть от дел", "пожить для себя" и т.д.) и теория зависимости М.Блекнера (старость — переход от самообеспечения к иждивению в его разнообразных видах и формах). Этот подход в отечественной науке развития не получил.

И во-вторых, как реакция на теории "доживания" рождается концепция старости как состояния смены одних форм общественной активности другими ее формами (общественная деятельность, многообразные хобби, туризм, дачные интересы и т.д.), а сами масштабы этой активности выступают критериями возрастных подгрупп старости. Эта позиция на Западе представлена "активной теорией оптимального старения" (Хэвигхарст, Ньюгартен, Тобин), а в отечественной науке ее активно поддерживает В.Д.Шапиро (монографии "Человек на пенсии. Социальные проблемы и образ жизни". М.: Мысль, 1980; "Социальная активность пожилых людей в СССР". М.: Наука, 1983).

В середине века наметилась тенденция и к формированию целостной теории возрастной структуры — социологии возраста. Ее рождение можно связать с появлением на Западе фундаментальных трудов М.Мид "Разрыв поколений" и К.Манхейма "Проблема поколений". В отечественной литературе первые серьезные исследования появляются с 70-х годов (Калинюк И.В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975; Миловидов А.С. Годы жизни и годы труда. М., 1983; Никитенко В.В. Демографический анализ поколений. М., 1979; Пирожков СИ. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976).

4. Этническая структура (стратификация) общества

Рассмотренные выше половозрастные характеристики общества обладали атрибутивной природой: вне их существование общества невозможно, и половозрастные состояния выступают поэтому объективными формами бытия человечества. Столь же атрибутивна и объективна, хотя и на принципиально иной основе, этническая форма этого бытия, вне которой общество также немислимо. Дело в том, что весь процесс социализации личности, хотя и опирается на единые для всего человечества физиологические механизмы и социальные институты, тем не менее протекает не "вообще", а лишь в этноспецифичных формах: ребенок всегда овладевает речью, культурными навыками, социальными установками, бытовыми стереотипами поведения и т.д. в их этнически своеобразной определенности. Именно эта этническая заданность процессов социализации и обуславливает изначальную принад-

лежность каждого из нас к определенной этнической общности — "этносу", а через него — к сфере этнического в целом.

Этничность и ее признаки Под этничностью (этнической определенностью общества) в современной науке понимается то своеобразие общественной культуры, которое складывается у совместно проживающих и относительно обособленных групп людей под влиянием внешних и внутренних условий их существования. Это своеобразие находит свое выражение прежде всего в особенностях материальной, социальной и духовной культуры, в специфичности психологического склада и языка, а также в осознании членами группы своей принадлежности именно к этой этнокультурной группе.

Соответственно, устойчивыми признаками этничности ("этническими определителями") выступают:

— единая для данной группы материальная, социальная и духовная культура среды обитания: особенности технологии, хозяйствования, средств сообщения, архитектуры, одежды, питания, образа жизни и быта, брачно-семейных отношений, стереотипов поведения, мировоззрения, установок, фольклора и т.д., и т.п. На протяжении всей предшествовавшей истории человечества это был, как правило, определяющий и наиболее наглядный признак этничности. Но в условиях индустриального общества с его явно выраженными тенденциями интернационализации культуры ("молодежь выбирает пепси") значение этого признака быстро падает;

— специфичный психический склад ("национальный характер"), представленный совокупностью психологических черт, отражающих особенности восприятия действительности и коллективного поведения лиц данного этноса, что связано с своеобразием среды обитания и культурной основы этноса. В индустриальном обществе значимость этого определителя также падает в меру растущего межэтнического общения, унифицирующего влияния средств массовой информации, углубляющейся дифференциации общества, рождающей новые внеэтнические групповые стереотипы восприятия и поведения, размывающие этническое своеобразие. Распространенная ошибка в трактовке данного вопроса — отождествление психологического склада личности с ее темпераментом, т.е. с внешней моторикой и эмоциональностью

поведения. Но темперамент определяется не социальными, а врожденными (генетическими) факторами, т.е. относится к сфере антропологии (биологии человека);

— специфика языка, очень часто принимаемая за решающий признак этничности. Это не совсем так, ибо, с одной стороны, один и тот же язык (английский, испанский, португальский, русский) может быть родным для разных этносов. С другой стороны, встречаются и разноязычные этносы. Например, мордовский этнос существует на базе трех языков — мокша, эрзя и русском. Еще многоязычнее евреи, цыгане. Но чаще язык действительно специфичен для этноса, и сама степень его консолидированное™ выступает одним из главных показателей консолидированности самого этноса;

— по мере снижения в ходе этнической истории критериальной роли рассмотренных признаков (определителей) на первый план все более выдвигается признак этнической самоидентификации (самоотнесения) личности, становящийся безусловно определяющим в условиях зрелого индустриального общества. Под этнической самоидентификацией понимается осознание личностью своей принадлежности к вполне определенной этнической общности, что находит свое внешнее выражение в добровольном принятии личностью этнического самоназвания (этнонима). В условиях доиндустриального общества с его общинной замкнутостью, многообразными сословно-кастовыми перегородками, поголовной неграмотностью осознание личностью своей этнической принадлежности было минимальным и характерным в основном для узкого круга культурной элиты. Хотя были и исключения: засвидетельствованное в Библии гипертрофированное национальное чувство древних евреев как народа богоизбранного, четкое выделение античными греками себя в качестве эллинов, противостоявших внешним "варварам", аналогичная ситуация с древними китайцами. Но в основном преобладала идентификация по конфессиональным, земляческим и государственным признакам. Положение начинает меняться с рождением национальной письменности, книгопечатания, массовой грамотности, а в наше время — средств массовой информации. Из узкоэлитарной, присущей социальной верхушке этноса, этническая самоопределяемость становится общенародной, играющей огромную роль в этнической жизни современного общества.

Абсолютизация этого факта в наши дни нередко приводит к рождению субъективистских идей, вообще отождествляющих существование этничности с наличием развитого этнического самосознания. И тогда появляются многочисленные трактовки нации, рассматривающие ее как продукт сознательного "конструирования", как "воображаемые сообщества" и т.п. При этом забывается, что самоидентификация строится не на голом месте, а на базе осознания личностью тех особенностей культуры, психологии, языка и истории, которые характеризуют соответствующий этнос и которые индивид в процессе своей этнической социализации застает как некую внешнюю данность. В целом можно сказать, что в субъективистских суждениях некритически смешиваются два разных явления — объективный для функционирования общества факт необходимой этнической определенности людей и субъективное осознание людьми этого факта. Человечество, существующее вне этничности, истории не известно, этничность такая же атрибутивная форма существования общества, как пол или возраст, но степень осознания личностью своей этнической определенности в разных общественных условиях оказывается разной.

Две концепции происхождения и природы этничности

В истории обществознания вот уже два века как обозначились две концепции происхождения и природы этнического. Одна из них, восходящая к XVIII веку и абсолютно господствовавшая до середины XIX века (Гердер, Вентам, Гегель, Гумбольдт, Кювье, Спенсер и др.), исходила из биологической данности этнического: человек рождается русским, татарин, немцем так же, как он рождается негром или белым, мужчиной или женщиной. Встречается такая позиция и сегодня (Л.Гумилев, Л.Ионин). К сожалению, именно эта позиция типична и для обыденного сознания современности, для публицистики, любящей порассуждать о "генофонде нации", "голосе крови" и тому подобном. Однако для современной науки уже со второй половины прошлого века нет сомнения в социально-культурных источниках и, соответственно, природе этничности, что мы и видели в ходе вышеприведенного анализа этничности и ее признаков. Иными словами, с точки зрения современных научных знаний, с этни-

ческой определенностью не рождаются, этническая определенность приобретается в ходе социализации личности.

Откуда же такая устойчивая убежденность в противоположном на уровне обыденного сознания? Из обычного для этого сознания смешения явлений двух разных порядков — этнического и расо-антропологического, т.е. биологии человека. "Человек разумный" как биологический вид представлен (как и любой другой вид) несколькими структурными формами своего существования — "большими расами" европеоидов, монголоидов, негроидов и австралоидов, в свою очередь распадающихся на несколько десятков "малых рас", также дифференцированных на множество локальных "антропологических типов" людей. Все эти структурные подразделения различаются какими-то наследственно закрепленными морфофизиологическими особенностями телесной (соматической) организации человека. Но к этнической структуре человечества они непосредственного отношения не имеют, ибо этническая определенность личности складывается вне какой-либо связи с конкретной антропологией. Негроидная составляющая генотипа и морфологического облика А.С.Пушкина никак не сказалась на обретении им именно русской этничности. Другими словами, лица, даже резко различные по своей антропологии, могут обладать одной и той же этничностью. Так, кубинцами, бразильцами, мексиканцами и т.д. реально могут быть и монголоиды (потомки коренного населения Америки), и европеоиды (потомки европейских колонистов), и негроиды (потомки завезенных негров-рабов). С другой стороны, лица, близкие по своей антропологии, могут принадлежать к разным этническим общностям. Таковы, например, славяне, скандинавы и др.

Этнос как этническая общность

Структурной единицей этничности в условиях цивилизации выступает специфичная социальная общность — "этнос", под которой понимается относительно обособленная группа лиц, объединяемых общностью рассмотренных выше этноопределяющих признаков. В доцивилизационную первобытную эпоху этнические характеристики были вплетены в единую ткань родоплеменной организованности и самостоятельной групповой выраженности не имели. Иными словами, первобытность еще не

знает выделенноеTM специфически этнических общностей — этносов.

Становление цивилизации ознаменовалось усложнением структуры общественной организации (сословия, касты, социально-трудовые группы и профессии, поселенческие общности, конфессии, государства и т.д.) и растущей антагонизацией межгрупповых взаимоотношений. Это потребовало формирования и каких-то компенсационных механизмов общественной интеграции и солидарности, препятствующих центробежным тенденциям социально разделенного общества. Одним из них и явились этнические общности — этносы, объединившие на почве единой культуры, языка, общности исторических судеб и самосознания людей, принадлежащих к противостоящим друг другу социальным группам. Но наблюдавшееся при этом известное смягчение внутриэтносовой конфронтации социальных сил во многом достигалось за счет переключения этого противостояния на межэтнические взаимоотношения. С этим связано главное противоречие этнической дифференциации общества: выступая, с одной стороны, инструментом растущей общественной интегрированностиTM, сплоченности и солидарности, этническая дифференциация, с другой стороны, обусловила рождение еще одной формы социальной стратификации — межэтнической, стоившей человечеству, особенно в новое время, рек крови.

Именно с этим противоречием связаны и важнейшие особенности самосознания этносов, или, как чаще говорят, национального сознания. Еще в начале XX века американский социолог У.Г.Самнер обратил внимание на специфический "этноцентризм", присущий этому сознанию, а именно на четкое подразделение в рамках национального сознания всего человечества на оппозицию "мы — они" с явной приоритетностью при этом "нас" и столь же явной дискриминацией "их". С этноцентризмом связано и типичное для национального сознания "сакральное" восприятие занимаемой этносом территории. Она воспринимается не просто как среда обитания этноса, а как священная основа и источник его существования, как "мать-кормилица Родина", а также и как "Отчизна", святое место пребывания и упокоения всех предшествовавших поколений этноса. Важной стороной национального сознания выступает и осознание этносом своих специфических интересов в общей совокупности этнических взаимоотношений, а

также и готовность к борьбе за реализацию этих интересов — т.н. "этницизм". Особое место в национальном сознании занимает и т.н. "историческая память этноса", т.е. осознание — реальное и мифологизированное — своего исторического прошлого, общности судеб, противостояний, побед и поражений; друзей и врагов.

Обладая столь своеобразным групповым самосознанием, этносы характеризуются и рядом отличительных черт своего реального бытия.

Во-первых, они принадлежат к разряду самодостаточных общностей, т.е. существование каждого из них не предполагает необходимости существования других этносов, а тем более, необходимости каких-то обязательных связей с ними. По всей вероятности, именно эта самодостаточность и явилась объективной основной формирования отмеченной выше этноцентристской психологии.

Во-вторых, этносы очень устойчивы в своем существовании. Большинство современных славянских этносов имеют многовековую, а поляки, чехи, болгары, сербы — и более чем тысячелетнюю историю. История армян, персов, евреев, басков насчитывает несколько тысяч лет.

И в-третьих. Этносы строго объективны в своем существовании. Их можно уничтожить физически ("геноцид"), но нельзя "создать" или "отменить" в волевом порядке. Они возникают и преобразуются, как мы далее увидим, исключительно в силу складывающихся конкретно-исторических обстоятельств.

Исторические формы этносов Конкретно-историческая производность этносов обусловила и то, что на разных стадиях развития цивилизации — аграрной и индустриальной — этносы существовали в двух исторических конкретных формах — народности и нации. Правда, в литературе нередко указывается и третья историческая форма этносов — племя, но с этим согласиться нельзя: как выше уже отмечалось, история этносов (не этничности!) начинается с аграрного общества.

Народность как исторически первая форма существования этносов, складывающаяся еще в специфических условиях аграрного общества, обладала уже всеми характерными признаками этносов, но еще в их неустановившемся, "рыхлом", слабоконсолидирован-

ном состоянии. Для народностей было типичным обилие племенных пережитков, многодиалектность языка, культурное "областничество", по общему правилу — отсутствие национальной письменности. Но, с другой стороны, именно для народности была характерна повышенная самобытность и выразительность национальной культуры, внешней национальной символики, психологического склада. Социальной базой поддержания этничности в аграрном обществе являлось крестьянство, именно его устойчивое сопротивление иноземным влияниям, заносимым чередой сменяющихся завоевателей, приводило к их нередкой ассимиляции. Но при этом надо помнить, что, как уже выше отмечалось, именно в рамках народности степень осознания народными массами своей принадлежности к определенной этнической общности, т.е. степень этнической самоидентификации, оставалась минимальной.

Вместе со становлением индустриального общества складывается современная форма существования этносов — нация. Для нее характерна прежде всего высокая степень этнической консолидированности: сложившийся язык с собственной письменностью, унификация культуры на основе преодоления регионального "областничества", развитая духовная жизнь. Последнее предопределяет и вторую главную особенность нации — высокий уровень национального сознания, особенно национальной самоидентификации и этницизма (осознание специфических интересов данного этноса), получившего применительно к нации название национализма. Национализм — явление очень разноплановое. Обычно выделяются его наиболее повторяющиеся формы:

— теоретический национализм: приоритезация национального начала в общественной жизни. С этой точки зрения, главное действующее лицо в общественной жизни — нации, а сама общественная жизнь есть лишь многообразное преломление национального;

— т.н. агрессивный национализм: идеология, психология и общественная практика национальной исключительности какого-то конкретного народа. Предполагает наличие у него особых заслуг и качеств, соответственно, особых прав и преимуществ. В рамках агрессивного национализма принято выделять великодержавный национализм (шовинизм, джингоизм), имеющий место в общественном сознании господствующей над какими-то народами нации, и местный национализм, представляющий собой реакцию

малой или зависимой нации на угнетательскую или дискриминационную практику другой нации. По известной ленинской оценке, такой национализм "имеет историческое оправдание" (ПСС. Т. 39. С. 330) и часто смыкается с политическим национализмом;

— политический национализм ("принцип национальности"): концепция оптимальности условий национального существования лишь в рамках самостоятельного национального государства. На рубеже XIX-XXв. развивается в известную концепцию права наций на самоопределение. Политический национализм играет двойственную историческую роль: способствуя консолидации нации, он нередко дезинтегативен и страшно агрессивен в отношении общества в целом (развитие событий в бывшей Югославии, на Кавказе и т.д.)

Необходимо подчеркнуть, что в международном научном понятийном аппарате термин "национализм" лишен той односторонней негативности, которая характерна для отечественного словоупотребления, как правило, отождествляющего национализм с его частным выражением — агрессивным национализмом.

С учетом сказанного, сегодня можно дать такое определение нации:

нация — это развитая историческая форма этноса, отвечающая социальным условиям индустриального общества и представляющая собой относительно обособленную группу лиц, объединяемую общим самосознанием на основе единства культуры, психологического склада, языка и исторического прошлого. При этом надо иметь в виду, что в зарубежной литературе широко распространено использование термина "нация" в совершенно ином, политико-правовом смысле: как совокупности граждан (подданных) данного государства. Именно в этом внеэтническом смысле термин "нация" применяется в выражениях типа "национальный долг", "национальные интересы", "национализация", "Организация объединенных наций" и т.д.

Условия, формы и виды процессов этногенеза

Становление этносов и рассмотренная выше их формальная историческая эволюция предполагают наличие специфических этнообразующих и этнотрансформирующих процессов — "этногенеза". Их анализ позволил установить, что формирование этнической общности всегда требует на-

личия двух обязательных этнообразующих условий: во-первых, совместного проживания определенной группы лиц на какой-то общей для них территории. Уже сложившийся этнос эту территорию может утратить (венгры, калмыки) или даже вообще перейти к рассеянному проживанию вне какой-либо единой территории (евреи, цыгане), не утрачивая при этом своей этнической целостности, но сформироваться конкретный этнос может только на основе единства территории и компактности расселения на ней.

И второе условие: успешный этногенез предполагает наличие каких-то специальных факторов, необходимо интегрирующих это компактно проживающее население в единую общность. В качестве таких этноформирующих факторов может выступать единство хозяйственной деятельности, политической жизни, общее противостояние внешним врагам, религиозная и расовая обособленность, специфика ландшафта, кастовая и брачная (эндогамия) замкнутость и т.д. Для формирования развитых этносов-наций особое значение, по общему правилу, имеют единство экономической (единый рынок) и политической (единое государство) жизни, в современных условиях — еще и система средств массовой информации, базирующаяся на едином письменном языке.

Под влиянием указанных условий возможны двоякого рода этнические процессы: этнической дивергенции (разделения) и этнической интеграции (объединения). Этническая дивергенция существует в двух видах: распада некогда единого этноса на два или несколько новых этносов (например, распада народности древних русичей на народности великороссов, белоруссов, малороссов) или путем отпочкования (сепарации) какой-то части этноса, оказавшейся в отрыве от его основной массы, в самостоятельный этнос (англо- и франкоканадцы; исландцы, африканеры и др.) Этническая дивергенция была типичным процессом в доиндустриальном обществе, именно она обусловила исключительное многообразие этносов в этом обществе.

Этническая интеграция также возможна в двух видах:

— этнической консолидации: слияние нескольких этносов в единый новый этнос. Именно таким путем родилась народность древних русичей: из слияния ряда восточнославянских и других племен;

— этнической ассимиляции: смена этнической принадлежности отдельных лиц или групп, оказавшихся в инациональной

среде. Различаются естественная и насильственная ассимиляции, если вторая — реакционна, всегда связана с сопротивлением ассимилируемых, нередко остается чисто внешней, то первая — закономерна, стихийна и добровольна, ибо повышает жизненные возможности личности в инонациональной среде. Ассимиляция — длительный процесс, в котором можно выделить три этапа: адаптации (аккомодации): внешнее приспособление к инонациональной среде путем усвоения ее языка и поведенческой культуры; аккультурации: восприятия инонационального языка и культуры в качестве собственного (родного) языка и культуры, — в 80-х годах более 16 млн. нерусских в СССР родным языком считали русский язык; собственно ассимиляции: ее показатель — смена самоидентификации.

Этническая интеграция типична для нового и, особенно, новейшего времени, с чем связана непрерывная сокращаемость числа существующих этносов в современном мире.

Этнические процессы могут быть классифицированы и по своей глубине, тогда выделяются этнотрансформационные процессы, сменяющие этническую сущность этноса, и этноэволюционные процессы, идущие в пределах этнической нормы и разнообразящие или, наоборот, консолидирующие какие-то частные этнонесущие параметры — языковые, культурные и т.д.

Полиэтничность, этническая стратификация и национальный вопрос

Общей нормой цивилизации является большая или меньшая, но полиэтничность общественной жизни. Моноэтнические в точном смысле этого слова страны встречаются очень редко. Таковы, например, Япония, обе Кореи, где коренное население составляет более 99 % всего населения. По принятой сейчас в международной статистике классификации к т.н. однопациональным государствам относятся страны с основным (т.е. наиболее массовым) этносом, составляющим свыше 90% населения страны (ФРГ, Скандинавские страны, Китай). Страны, в которых удельный вес основной национальности колеблется в пределах 80-89%, относятся к числу стран с крупными иноэтническими группами (Франция, Турция, Алжир, РФ), страны же с удельным весом основной национальности менее 80% рассматриваются как многонациональные (Великобритания, Швейцария, США, Индия).

Поскольку сосуществующие в рамках данной страны или региона этносы весьма отличны друг от друга по своей величине, уровню и специфике культуры, истории, занимаемым в данном обществе социально-экономическим и политическим позициям, постольку статусные отношения между ними необходимо приобретают ранжированную, стратификационную форму. В доиндустриальных обществах в меру неразвитости самих этносов и особенно этнического самосознания, явной приоритетности в массовом сознании конфессиональной, земляческой, сословной самоидентификации личности, эта стратификация особой роли в жизни общества не играла и существенных межнациональных противоречий и конфликтов не порождала. Хотя и в этом обществе были свои этнические изгои, например, евреи и цыгане в средневековой Европе. Видимо, в эту сглаженность межэтнических взаимоотношений существенный вклад вносили определявшие в эту эпоху общественное сознание глобальные мировые религии — католичество и ислам, провозгласившие относительно своих прихожан национальную "нелицеприятность" Бога и игнорировавшие национальные различия уже самой унифицированной системой богослужения — на латинском или арабском языках.

Но вместе с бурным ростом в условиях формирующегося индустриального общества национального самосознания и постепенной приоритезацией именно национальной самоидентификации личности (одним из ранних свидетельств этого стало рожденное Реформацией требование "национальной церкви") положение меняется, и стратифицированность межнациональных взаимоотношений становится все более выраженной, порождая к середине XIX в. т.н. "национальный вопрос", т.е. осознание обществом как самого факта социального неравенства и даже прямой дискриминации во взаимоотношениях наций, так и разнообразия путей возможного смягчения этого неравенства.

Как свидетельствует накопленный за последующие полтора столетия исторический опыт, национальный вопрос, понимаемый как именно система социально неравных межнациональных отношений, необходимо имеет место в любом полиэтническом обществе в силу вышеотмеченного объективного факта вполне очевидного статусного различия этносов. Но этот же опыт засвидетельствовал и реальную возможность существенного смягчения остроты национального вопроса, возможность его относительного решения

на базе, во-первых, межнациональной сепарации, т.е. перехода к раздельно-государственному существованию наций по принципу "каждой нации свое государство" (или: "каждая нация имеет право на свое политическое самоопределение"), и, во-вторых, на основе межнациональной интеграции, интернационализации общественной жизни, предполагающей реальную заинтересованность-экономическую, политическую и т.д. — каких-то наций в такой интернационализации и их признаваемую равноправность в этом процессе.

Сепарация наиболее характерна для полиэтнических обществ, еще только вступающих на путь развития рыночных отношений и сопутствующей им демократизации общественной жизни. В ее истории можно выделить этапы середины прошлого века, связанного со становлением национальной государственности немцев, итальянцев, греков, латиноамериканцев; начала XXв., ознаменованного распадом многонациональных империй Турции, Австро-Венгрии и России; середины и конца XXв., связанных с обретением национальной государственности многими народами бывшего колониального мира и распадом многонациональных государств социалистической системы — СССР, Югославии, Чехословакии. В основе сепарационной формы решения национального вопроса всегда лежали чьи-то конкретные социальные интересы: национальной буржуазии, заинтересованной в монопольном овладении собственным национальным рынком, латино-американских землевладельцев, заинтересованных в прекращении деления доходов с европейскими метрополиями, национальной интеллигенции и теневой буржуазии в республиках СССР и т.д. На рубеже XIX-XXв. популярный в буржуазно-демократических кругах лозунг "права наций на самоопределение" получает широкую поддержку мировой социал-демократии, исходившей из того, что только в условиях национальной независимости возможна успешная борьба за социальное освобождение трудящихся.

Сепарационный путь всегда связан с обострением национальных чувств и на этой почве — с нередким насилием и кровью (Югославия, Карабах, Абхазия, Чечня).

Но в меру растущей в условиях высокоразвитого индустриального общества интернационализации капитала, производства, политической жизни, массовой культуры на первый план все очевиднее выступает интеграционная форма решения национального

вопроса, особенно заявившая о себе во второй половине XXв. в Западной Европе, Северной Америке и бассейне Тихого Океана. Своеобразная диалектика сепарации и интеграции наблюдается сейчас и на всем пространстве постсоветских обществ.

Но и интеграционная форма не лишена своих внутренних противоречий, о чем убедительно свидетельствует т.н. "этнический парадокс современности": сама быстрая интернационализация общественной жизни в современных развитых странах может вызвать обострение национальных чувств в каких-то слоях населения и провоцировать сепаратистские настроения (современные национальные движения в Бельгии, Шотландии и Уэльсе (Великобритания), Корсике (Франция), стране басков (Испания). Социальная природа этого "парадокса" еще не очень ясна. Предполагается, что это, с одной стороны, сугубо прагматическая реакция заинтересованных слоев местного населения на растущее засилье дешевого импорта и рабочих рук иммигрантов, но, с другой стороны, по-видимому, здесь представлена и реакция консервативных слоев населения на растущее вторжение в повседневную жизнь культурно-чуждых стандартов поведения и образа жизни.

Полиэтничность и метаэтничность

При устойчивой полиэтничности отдельных государств (Швейцария, США, Бельгия, Индия, Австралия, СССР, РФ и др.), в силу длительного сосуществования ряда этносов в одних и тех же общегосударственных условиях экономической, социально-политической и культурной жизни, складываются основания для формирования своеобразных государственных наднациональных общностей — т.н. метаэтнических общностей: швейцарского, американского, бельгийского, советского народов, россиян в современной РФ. Для метаэтнических общностей характерно наличие общепринятого языка межнационального общения, каких-то общих черт культуры, менталитета, образа жизни, повышенная этническая гетерогенность браков, а также и общее (общегосударственное) самосознание, в частности — четкая государственная самоидентификация и по общему правилу — патриотизм. Оценивая степень выраженности подобной метаэтничности современных американцев (США), известный американский историк и государственный деятель А. Шлезингер приходит к

следующему выводу: "Большинство из родившихся в Америке членов групп меньшинств, как белых, так и небелых, считают себя, прежде всего, американцами и лишь потом — членами той или иной этнической групп" (Социологические исследования. 1994. №6. С. 35).

Национальная структура Российской Федерации

В рождавшейся Российской империи русские составляли (1719г.) 71% населения. К началу XXв. вместе с территориальным ростом империи удельный вес русского населения сократился примерно до 50%. На этой же отметке он продержался до распада СССР, что с полной очевидностью свидетельствовало о многонациональном характере как Российской империи, так и СССР. Но с выделением РФ в самостоятельное государство национальная структура страны обретает совершенно иные параметры и характеристики: при удельном весе русского населения в 82% (1989г.) Россия выпадает из числа многонациональных стран, перемещаясь в группу государств с крупным иноэтническим населением. Нашими соседями в этой группе оказываются Франция, Нидерланды, Румыния.

Среди нерусского населения, насчитывающего 27 млн. человек, принадлежащих примерно к 140 этносам, численно выделяются четыре этноса: татары — 6,6 млн., чувашаи — 1,8 млн., башкиры — 1,5 млн., мордва — 1,1 млн. человек. Более трети (36%) нерусских — представители этносов, в основном, ближайшего зарубежья — украинцы, белоруссы, казахи, армяне и т.д. При этом украинцев насчитывается более 3 млн., белоруссов — около 1 млн.

35% нерусского населения живет в своих национально-государственных образованиях, составляя т.н. коренное, или "титутльное", население этих образований. Высокая компактность расселения именно в своих национально-государственных образованиях типична для чеченцев, кабардинцев, калмыков, якутов, тувинцев, коми. В то же время 29% нерусского населения, принадлежащие к "титутльным" этносам, проживают за пределами своих национально-государственных образований. Среди татар таковых 68%, среди мордвы — 71%, чувашей — 49%, марийцев — 50%, эвенков — 88%. Но это означает, с одной стороны, что с учетом представителей этносов ближнего и дальнего зарубежья вне своих

национально-государственных образований проживает около двух третей (64,5%) нерусского населения России. А с другой стороны, это означает, что лишь в 8 национально-государственных образованиях из 31 "титальное" население было в 1989 г. в большинстве, а в целом оно составляло меньшинство населения (около 40%) этих образований. Так, доля якутов в населении Якутии равнялась 33%, башкир, соответственно, 22%, мордвы — 32%, коми — 23%, татар — 48%, удмуртов — 31%, бурят — 24%.

Сложившаяся структура нерусского населения России свидетельствует о растущей необходимости перехода к системе национально-культурных автономий, позволяющей наиболее эффективно удовлетворять национальные запросы нерусского населения вне зависимости от места конкретного проживания этого населения.

**Этносоциология как
частная социологическая
дисциплина**

Своеобразие предмета исследования любой науки определяется своеобразием объекта исследования

данной науки. Объект исследования этносоциологии — этничность, поэтому и предмет ее исследований нередко связывается с исследованием закономерностей функционирования и развития этнического. Но при этом забывается, что задолго до рождения в XX в. этносоциологии в мировой науке уже сложилась специальная область знаний о народах, получившая название этнологии (этнографии, народоведения). Сложился и целый ряд более частных научных дисциплин, также исследующих так или иначе этничность: этнопсихология, изучающая национальное своеобразие психики, этнодемография, исследующая национальные особенности воспроизводства населения, и др. Исследовавшие этот вопрос в 70-х годах отечественные специалисты Ю.В.Арутюнян, Ю.В.Бромлей, О.И.Шкаратан в этой связи приходят к выводу, что в сложившихся условиях междисциплинарных отношений этносоциология, с одной стороны, исследует этнические аспекты социальных явлений — возраста, пола, расселения, труда, брака и семьи, быта, досуга, образа жизни, социальной инфраструктуры и т.д., а с другой стороны, социальные аспекты этничности — половозрастную, поселенческую, профессиональную и т.д. структуры этносов. Таким образом, этносоциология есть частная социологи-

ческая дисциплина, исследующая этнические аспекты в социальном и социальные аспекты в этническом.

Само рождение этносоциологии в США в начале XX в. во многом было связано с необходимостью анализа проблем, порождаемых многонациональной иммиграцией в США. И первым этносоциологическим исследованием принято считать труд У.Томаса и ф.Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1916). В 20-х годах американский исследователь Э.Богардус предлагает специальный метод измерения этностратификационных отношений — "шкалу социальной дистанции", позволяющую выявить социальные "ранги" этносов в оценивающем сознании современников¹, а чикагский социолог Р.Парк закладывает основы этносоциологической теории ассимиляции — "плавильного котла", сравнительно быстро превращающего иммигрантов и особенно их потомков в "некую единую американскую нацию". Взрыв национальных страстей в США 60-70-х годов (ставший одним из проявлений "этнического парадокса современности") обнаружил, что реальные этнические процессы много сложнее, ибо "американская нация" оказалась не нацией в строгом этническом смысле, а метаэтнической общностью многих этносов, устойчиво проживающих в условиях общего государства. Столь популярные в США концепции "плавильного котла" находят теперь свою альтернативу в многочисленных концепциях "этнического плюрализма".

В СССР в 60-80-х годах складывается высокопрофессиональная группа этносоциологов — Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробышева, Г.В.Старовойтова, О.И.Шкаратан и др. В 1967-1969г. осуществляет первое комплексное исследование этносоциальных процессов, легшее в основу монографии "Социальное и национальное" (1973). Активно исследуются процессы социально-культурного сближения наций, сложные процессы, протекающие в этнических группах больших городов, этническое своеобразие отдельных этносов. Итогами этих исследований стали серьезные монографии: "Этносоциология" (1984), "Этносоциологические проблемы города" (1986), "Русские: этносоциальные очерки" (1992), учебник З.В.Синевиц "Этносоциология" (1994).

¹ О методе Э.Богардуса см.: Комаров М.С. Введение в социологию. М., 1994. С. 186—187.

S. Территориально-расселенческая структура (стратификации) общества

Понятие социально-территориальной структуры общества

Социальная сфера как сфера воспроизводства общественного человека имеет и свой пространственный аспект — расселение

населения по определенной территории.

Термин "расселение" используется в научной литературе в двух специальных смыслах: географическом — и тогда под расселением понимается процесс заселения людьми еще не освоенной человеком территории, и в социологическом — распределения людей по местам их жизнедеятельности, т.е. приложения их труда и жительства. Расселение, понимаемое таким образом, образует социально-пространственную организацию общества, его территориально-расселенческую структуру. Последняя представлена, с одной стороны, локальными (т.е. территориально ограниченными) совокупностями людей — они получили название территориальных общностей, а с другой стороны, взаимоотношениями между этими общностями, получившими название отношений по расселению.

Само формирование субъектов этих отношений — территориальных общностей людей обусловлено двумя группами объективных обстоятельств: известной закрепленностью населения за определенной территорией в силу размещения по ней мест жизнедеятельности (труда и жительства) и формирующимся на этом основании многообразным единством интересов местного населения, по необходимости сплачивающим, обособляющим и противопоставляющим данную локальную группу людей относительно других аналогичных групп. Интегрируя на базе местных локальных интересов лиц, занимающих в обществе самое различное положение, территориальные общности людей (в их конкретных формах общин, коммун, землячеств и т.д.) выполняют в социально-разделенном обществе во многом те же функции общественной солидарности, что и выше рассмотренные этносы. И так же, как и в этнических структурах, реализация функций внутреннего сплочения и солидарности достигается здесь за счет активного противопоставления интересов своей общности аналогичным интересам других общностей. Уже Аристотель, характеризуя поли-

тическую жизнь древних Афин, отмечал особую непримиримость взаимоотношений "партий" жителей побережья, равнины и гор.

Необходимо также подчеркнуть, что, являясь локально (территориально) ограниченными совокупностями людей, территориальные общности не включают в свой состав ни собственно территории проживания, ни других каких-либо элементов окружающей среды.

По своей внутренней структуре рассматриваемые общности представлены двумя уровнями пространственной организации: первичным поселением, характеризующим отношения людей по их непосредственному расселению по местам жительства и приложения труда, и вторичным, региональным, представляющим собой объективно сложившуюся взаимосвязь поселений, их определенную общность и, соответственно, определенную общность людей, представляющих данный регион. Эта двухуровневая структура территориальных общностей исторична: ее нет в первобытном обществе, где межплеменные связи редко имели сколько-нибудь устойчивый характер; она появляется в аграрном обществе, но остается слабо выраженной в силу его децентрализованности. И в полном объеме "двухэтажность" территориальной расселенческой структуры населения представлена лишь в условиях индустриально организованных обществ.

Становление и развитие поселенческих систем расселения

Глубоко историчен и сам первый "этаж" территориально-расселенческой структуры общества — поселенческие

общности, объединяющие людей непосредственно по месту их жизнедеятельности и знающие три исторических типа своей организации: кровнородственный, локально-точечный и групповой.

В первобытном обществе поселенческие общности представляли собой общины кровных родственников, т.е. здесь территориальная общность еще совпадала с кровнородственной. В ходе неолитических преобразований поселенческие общности утрачивают эту кровнородственную основу, и в аграрном обществе они становятся уже чисто территориальными объединениями людей, характеризующаясь при этом "точечностью", локальной замкнутостью расселения, осуществлявшегося к тому же в двух своеобразных формах — "системах расселения" — сельской и городской.

На эту формальную дифференциацию локально-точечного типа поселенческого расселения решающее влияние оказало возникающее по ходу неолитической революции общественное разделение труда. Уже обособление земледельцев от скотоводов и очень непростые взаимоотношения между ними (недаром библейский земледелец Каин убивает брата своего пастуха Авеля!) приводят к рождению первых городов — укрепленных поселков земледельцев. С рождением ремесла, торговли, умственного труда, государственного управления города становятся местом концентрации именно этих видов труда, хотя во многих из них еще длительно сохраняется и сельскохозяйственная занятость. Эта смешанность населения хорошо видна и на примере русских средневековых городов, включавших в свой состав, как правило, три достаточно выделенные части: укрепленный Кремль, где размещались власть и гарнизон; посад, где концентрировалось торгово-промышленное население; слободы, с преимущественно крестьянским населением.

Сельская система расселения

Но специфичной для связанного с сельскохозяйственным трудом населения с течением времени становится совсем другая система поселенческого расселения — сельское, или, иначе, — деревенское, поселение, наиболее отвечающее особенностям и требованиям сельскохозяйственного труда. В зависимости от конкретных производственных и природных условий сельское население может быть кочевым или оседлым, рассеянным или компактным. Кочевой тип сельского расселения отвечает условиям пастбищного скотоводства и предполагает круглогодичную миграцию населения по мере смены пастбищ. Возникает на рубеже II- I тысячелетия до н.э. в горно-степных областях Евразии и сохраняется поныне во многих регионах мира. Оседлый тип сельского расселения возникает вместе с рождением рыболовства и мотыжного земледелия в начале неолита и является на сегодня определяющим типом сельского расселения. Рассеянная форма сельского расселения присуща обоим его типам и представляет собой систему более или менее удаленных друг от друга мелких и однодворных поселений — хуторов, ферм, чумов и т.д. Характерна для частнособственнического и арендного землепользования (не случайно столыпинская аграрная реформа предполагала выде-

ление крестьян из общины на "отруба"), кочевого скотоводства в особо суровых природных условиях (тундра, тайга, высокогорье¹, хозяйствования на малопродуктивных почвах. Компактная форма сельского расселения также присуща обоим его типам и представляет собой более или менее тесную совокупность жилых дворов и хозяйственных построек — собственно деревню, кишлак и т.д. Характерна для общинного и коллективного землепользования (не случайно в рамках колхозного строительства происходило повсеместное сселение крестьян в крупные деревни), равнинных условий проживания, хозяйствования в условиях высокопродуктивных почв.

Для сельских территориальных общностей, существующих в условиях повышенной близости к природе, однообразия трудовой деятельности, пространственной рассредоточенности, малолюдия, характерен ряд отличительных черт их бытия и отвечающего ему образа жизни и мышления селян. В частности:

— повышенная самообеспечиваемость необходимыми средствами существования и на этой основе повышенная замкнутость и автономизация сельских общин, их повышенная оторванность от внешнего мира и в этой связи — недоверчивость ко всему "чужому" ("ксенофобия");

— сравнительно высокая роль коллективистских начал в общественной жизни, в частности, широкое распространение самоуправленческих порядков ("общинная демократия");

— невыделенность и отсталость быта;

— своеобразие социальной среды: высокая степень социальной однородности населения, преобладание родства и соседства в межличностных связях, особо сильный социальный контроль в этой связи.

В целом — повышенный традиционализм в образе жизни и консерватизм в мышлении.

В меру происходившей с развитием индустриализма урбанизации общества и соответственного сокращения численности сельского населения повсеместно закономерно сокращается и число сельских поселений. Так, за время существования СССР их численность упала с 860 тыс. в 1926г. до 332 тыс. 1989г. (при сокращении удельного веса сельского населения с 82 до 34%).

Городская система расселения

Как уже отмечалось, в ходе эволюции городской территориальной общности ее главной специфической чертой становится локальная концентрация значительных масс населения, связанного преимущественно с несельскохозяйственными видами труда. Отсюда, с одной стороны, типичная для города низкая самообеспечиваемость, повышенная зависимость от внешнего мира, а следовательно, и принципиальная открытость внешним связям, а, с другой стороны, его полифункциональность, рваносторонность присущих ему видов трудовой деятельности.

С последней связана главная особенность социальной структуры горожан — ее чрезвычайная сложность, многообразие социальных общностей, представленных в городской среде, а также их явная или неявная сегрегированность, т.е. известная пространственная разделенность, обособленность, стремление лиц одной или близких общностей жить по соседству друг с другом. Так формируется "социальная морфология" города, делящая его на более или менее четко выраженные районы и кварталы преимущественно аристократического, буржуазного, рабочего заселения, профессионально-цехового, этнического, расового, конфессионального и т.д. расселения. Изучавший этот вопрос американский урбосоциолог Э.Батлер приходит к знаменательному выводу: "Если города сами по себе становятся все гетерогеннее, то составляющие их внутренние ячейки становятся все более гомогенными" (цит. по: Рукавишников В.Д. Население города. М., 1980. С. 188).

При этом социально-морфологическая структура города не остается постоянной, наоборот, ей присуща вполне отчетливая историческая эволюция. Так, сегрегированность до- и раннекапиталистического города характеризовалась концентрацией привилегированных слоев населения в центре города, а социальных низов — в его предместьях. Это хорошо видно на примере Москвы: первоначально "знать" расселяется в районе Кремля, торгово-промышленное население — в Китай-городе. По мере роста города близкий к Кремлю Китай-город также становится районом "барского" расселения, "простолюдь" вытесняется на окраины города. К началу XX века в Москве четко просматривались аристократический запад города, буржуазный северо-восток, рабочие кварталы в восточных и юго-восточных пригородах, сельско-мигрантский юг города.

Но для городов зрело-индустриального общества характерна прямо противоположная картина социально-пространственного расселения. Привилегированные слои населения перебираются в коттеджные пригороды, центр города становится, наоборот, средоточием "городского дна", промежуточные районы заселены "средним классом" и рабочими. В последние десятилетия наметилась новая тенденция "джентрификации" города, связанная с возвращением в реконструируемый центр средних слоев населения.

Рассмотренные тенденции эволюции социальной морфологии сложились в истории западного города. В условиях социалистического строительства в СССР в рамках общего курса на формирование социально однородного общества была сделана попытка преодоления указанной сегрегированности городского населения, в частности, за счет вселения рабочих в конфискуемые или уплотняемые квартиры бывших привилегированных слоев населения. Определенные результаты в устранении наиболее грубых форм сегрегации — этнической, конфессиональной, профессиональной — несомненны. Этих форм сегрегации в СССР практически не осталось. Но более тонкие срезы городской сегрегированности сохранились. Например, районы московского юго-запада в послевоенные годы становятся главным местом ("дворянское гнездо") расселения номенклатуры и привилегированных слоев интеллигенции. Юго-восток и восток столицы сохранили и даже усилили свою рабочую окраску. И с учетом этого семидесятилетнего опыта нельзя не согласиться с выводом известного французского социолога П.Бурдьё: "В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано" (Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 121).

Социальная структура горожан характерна также постоянной смещенностью половозрастных балансов населения. В малых городах в связи с отъездом молодежи существенно преобладает население старших возрастов, в больших — непропорционально высок удельный вес населения средних возрастов и молодежи. Это, в частности, порождает такое специфически городское явление (и связанные с ним социальные проблемы), как молодежные общежития. Для многих городов с преимущественно мужской или женской занятостью характерны и соответствующие перекосы в половом составе горожан. Это также порождает многообразные социальные проблемы, в частности, связанные с вступлением в

брак, с повышенной внебрачной рождаемостью, с высокой текущей рабочей силой.

Для городского населения типична также и более высокая образованность. В 1989г. в городах СССР среднее и выше среднего образование имели 71% лиц в возрасте 18 лет и старше, в сельской же местности — лишь 50%.

Кроме особенностей социальной структуры, особое значение для характеристики городской территориальной общности имеет анализ особенностей городского образа жизни и мышления (менталитета). Как выяснил еще в середине века американский социолог Вирт, эти особенности, как правило, есть функция трех необходимых социальных переменных: величины города, плотности его населения, степени сложности (разнородности) социальной структуры. При всем возникающем в этой связи конкретном разнообразии проявлений городского образа жизни и мышления (в городах больших, средних и малых; поли- и монофункциональных (административных, курортных и т.д.), в городском центре и пригородах и т.д.) их можно свести к нескольким типичным чертам городского образа жизни и менталитета.

Во-первых, для горожан характерна высокая стандартизация их образа жизни, обуславливаемая, с одной стороны, единой ритмикой производственной и деловой жизни, транспорта, сервисных и зрелищных учреждений, сходными жилищными условиями и т.д.; с другой стороны — строгими корпоративными и статусными требованиями к внешнему виду ("одет как чиновник"), стилю поведения, образу мыслей и т.д. Групповая стандартизация поведения горожан жестко сказывается даже на характере и месте покупок, формах и местах отдыха, предпочитаемых детских учреждений и т.п.

Во-вторых, массовая обезличенность и анонимность общения ("одиночество в толпе"), рост отчужденности и одиночества и соответствующее снижение роли традиционных механизмов социального контроля. В этой связи — рост всевозможных форм аномии.

В-третьих, повышенная свобода мышления, критическое отношение к традициям и авторитетам, склонность к инновации, терпимость к "чужому". На этой основе — повышенная социальная мобильность горожан.

И в-четвертых, высокая степень индивидуалистичности личного поведения, снижение значимости коллективных начал общественной жизни — семьи, родства, соседства и т.д.

В последние десятилетия все большее внимание привлекают экологические проблемы городской жизни, растущее экологическое неблагополучие городов. Н.Дж.Смелзер на примере США выделяет такие типичные "язвы" современной городской жизни, как шум, транспортные заторы, загрязненность воздуха, проблемы с уборкой и переработкой бытовых отходов и т.д.

Растущее экологическое неблагополучие городов обостряет давний спор сторонников и противников городской жизни — урбанистов и антиурбанистов. По мнению последних, а среди них — Руссо, Джефферсон, Оуэн, Фурье, Ганди, многие современные "зеленые", городская цивилизация — источник всех бед человечества, носитель его пороков и деградации. По мнению же урбанистов (Аристотель, Т.Мор, К.Маркс, К.Бюхер, М.Вебер и др.) города — "главный двигатель прогресса" (В.И.Ленин). Соответственно, в сельском образе жизни урбанистам видится преимущественно "идиотизм деревенской жизни" (К.Маркс), а антиурбанистам, американским "деревенщикам" или российским "почвенникам" — воплощение истинно человеческой жизни и ее идеалов.

Город и деревня: реальные взаимоотношения

За пределами этого спора остаются "взаимоотношения по расселению" горожан и селян. Они достаточно сложны и в ходе истории претерпели существенную эволюцию. Возникновение города и деревни, как мы уже видели, было обусловлено процессами общественного разделения труда, с течением времени территориально обособившими лиц сельскохозяйственного и несельскохозяйственного труда. Но тем самым была заложена и принципиальная противоположность интересов горожан и селян: первые заинтересованы в дешевизне сельскохозяйственных продуктов и в высоких ценах на свои собственные изделия и услуги, вторые — в прямо противоположном. Эта борьба интересов знала разные конкретные соотношения, но в целом город как представитель технологически и интеллектуально более развитых видов деятельности — промышленной, финансовой, управленческой, образовательной,

медицинской, правовой и т.д. — как правило, экономически господствовал над деревней и эксплуатировал ее, наживаясь на разнице цен, на концентрации в городе необходимых деревне средств и знаний, на сосредоточении именно в городе управленческих институтов. Это экономическое господство города над деревней имело место даже в средние века, когда политически деревня (замок) господствовала над городом.

Своеобразного пика эта городская эксплуатация деревни достигает на первых этапах индустриального общества, когда городское производство уже базируется на машинной технологии и развитых рыночных отношениях, а сельское еще их не знает. Именно эта сокрушительная эксплуатация докапиталистической деревни уже капиталистически организованным городом и привела к разорению и исчезновению основных масс крестьянства в XIX-начале XXв. Для справки: в 1850г. 65% населения США было связано с фермерским трудом, к 1900г. таковых насчитывалось лишь 25%.

Но с рубежа XIX-XX веков и особенно с середины XX века отношения города и деревни качественно преобразуются: капиталистически организованному (т.е. индустриально рыночному) городу начинает противостоять столь же современно организованная деревня. Этим своим преобразованием деревня обязана двум факторам — повсеместному переходу к индустриальным методам ведения сельского хозяйства и капитализации сельских экономических отношений. На этой основе на смену традиционной противоположности интересов горожан и селян начинает приходиться рыночная интеграция этих интересов, конкретно выражающаяся в растущем слиянии деревни с городом, ее урбанизации, т.е. в распространении типичных городских норм жизни на деревню. В частности это проявляется:

— в изменении производственной базы деревни: из однородно-сельскохозяйственной она превращается в многоотраслевую за счет перевода в сельскую местность промышленных производств, транспортных коммуникаций, мест отдыха горожан, больниц, всевозможных служб социальной защиты (дома престарелых, инвалидов, детские учреждения и т.д.);

- в соответствующем изменении социальной структуры селян, выражающемся в резком сокращении удельного веса занятых непосредственно сельскохозяйственным трудом (в 1980г. в запад-

но-европейской деревне таковых насчитывалось лишь 17%) и ответственном росте числа занятых "городскими" видами деятельности. Широкое распространение получает совмещение сельскими жителями сельскохозяйственной и несельскохозяйственной занятости. Быстро растет слой бывших горожан-пенсионеров, переезжающих на жительство в деревню: во Франции сегодня каждый десятый селянин такого происхождения;

— в укрупнении размеров сельских поселений: свыше 65% селян Франции сейчас живут в поселениях с населением, превышающим 500 человек. Это особенно выразительно для страны с традиционно рассеянным сельским населением;

— в стирании культурно-бытовых различий, чему способствует развитие современных средств транспорта, связи и массовой информации.

В связи со всем сказанным нельзя не согласиться с мнением авторитетного географа В.В.Покшишевского о том, что во всех развитых странах "деревня в традиционном понимании по существу исчезает" (Покшишевский В.В. Население и география. М., 1978. С.136). Именно в этой связи американская федеральная статистика с 1990г. вообще прекратила учет населения в разрезе города и деревни — за исчезновением последней.

Аналогичные процессы развивались в XXв. и в СССР. Но в меру меньшего социально-экономического развития страны они получили и меньшую выраженность. Так, советская деревня также превратилась в базу многоотраслевой производственной деятельности, и, соответственно, если в 1926г. 93% селян были непосредственно связаны с сельским хозяйством, то в 80-х годах таковых было уже менее половины. Существенно сократилась и общая численность селян — с 85% в 1897г. до 34 % в 1989г., причем более половины сегодняшних селян проживает в поселениях с населением свыше тысячи человек.

Исторические фазы и формы мировой урбанизации Урбанизация как общемировой процесс распространения и утверждения городской системы расселения знает три качественно своеобразные исторические фазы своего существования:

— раннюю, включающую в себя как этап "городской революции" эпохи становления цивилизации (к началу нашей эры в горо-

дах уже жило около 1% мирового населения), так и этап дезурбанизации эпохи европейского средневековья;

— классическую: от эпохи промышленной революции до середины XX в. Именно здесь произошло превращение города в ведущий вид поселения и, соответственно, горожан в самую массовую часть населения. Если в 1800г. их удельный вес в мировом населении не превышал 3%, то уже в 1850г. он составил 6%, в 1900г. — 14%, 1990г. — 41%. В развитой части мира городское население в 1990г. составило 73%. Таким же оно стало в России в 1993г.

Специфическая черта этой фазы урбанизации — ускоренный рост именно больших городов, концентрирующих основную массу горожан;

— современную. Характерна для второй половины XXв. и специфична стабилизацией роста городского населения в развитых странах на уровне 75-80% от общей массы населения и некоторым отливом населения из больших городов в малые. В рамках этой фазы в полном объеме заявили о себе и многообразные негативные стороны современной городской жизни, обобщаемые в понятии "кризис городов": ухудшающаяся экология, транспортные пробки, кризис муниципальных бюджетов, обветшание городских строений и коммуникаций, рост преступности, наркомании, насилия и т.д.

На протяжении этой многотысячелетней истории городского расселения менялись и конкретно-исторические формы городской системы расселения (урбанизации).

Ее начальная форма (не путать с фазой!), сохранявшаяся вплоть до середины XIXв., была представлена собственно городом как "точечным", строго локальным образованием с отчетливыми территориальными границами.

С конца XIXв. начинается процесс "субурбанизации" — бурного развития городских пригородов за счет урбанизации прилегающих к городу сельских расселений. В 70-х годах более половины американских горожан проживало именно в пригородах. С середины XX в. субурбанизация становится типичной и для российских городов.

С конца XIX-начала XXв. начинают рождаться и т.н. городские агломерации — целостные системы группового расселения, формирующиеся на базе единого территориально-производственного комплекса вокруг большого города и включающие в свой состав

чающие в свой состав как сам этот город, так и другие близлежащие города и сельские местности. Границы агломераций определяются маятниковой миграцией населения — ежедневным перемещением населения от мест проживания к местам работы, учебы, удовлетворения культурно-бытовых потребностей. Преимущественно в рамках городских агломераций и происходит сегодня отмеченное выше сращивание города и деревни, свидетельствующее о начале становления нового, третьего, исторического типа поселенческой структуры (напомним, первые два типа — кровно-родственные и точечно-локальные поселения) — группового расселения ("сельско-городской континуум" в американской терминологии), отвечающего условиям высококоразвитого индустриального общества, постепенно перерастающего в постиндустриальное общество. Для этого исторически нового типа поселенческого расселения характерны, во-первых, территориально-рассеянный характер поселения, а во-вторых, отсутствие типичной для предшествовавшего локально-точечного типа поселений дифференциации на город и деревню. По месту рождения этого типа поселения — немецкого Рура — сам процесс формирования подобного группового расселения получил в зарубежной литературе название "рурбанизации". В России по данным переписи 1989г. насчитывалось 34 крупных городских агломераций с двумя сверхкрупными — московской (12,6 млн. чел.) и Санкт-Петербургской (5,3 млн. чел.). В целом, на долю агломераций в 1989г. приходилось 47% городского населения России.

В тех случаях, когда происходит слияние нескольких городских агломераций, рождается конурбация, слияние нескольких конурбаций порождает мегаполис. Агломерация, конурбация, мегаполис выступают частными видами группового типа расселения, а в качестве обобщающего термина для обозначения всех трех видов группового расселения используются термины "метрополия" или "урбанизированная зона". Отражая происшедшие перемены в расселении, статистика развитых стран в последние годы все больше внимания уделяет выяснению соотношения удельных весов не городского и сельского населения, постепенно утрачивающее былое значение, а удельных весов населения метрополитенского, т.е. живущего в пределах урбанизированных зон, и неметрополитенского. Численность метрополитенского населения в

США возросла с 1940 по 1990г. с 70 до 158 млн. человек (с 52,8% до 73,0%).

**Региональный уровень
социально-территориальных
общностей**

Таким образом, хорошо просматривается генеральная тенденция процессов расселения в индустриальном обществе: от унаследованного от аграрного общества "точечного" — городского и деревенского — расселения к формированию все более рассеянных групповых систем расселения — метрополисов (урбанизированных зон), связывающих в единое регионально-территориальное целое многочисленные поселения и огромные массы населения. Эти процессы наглядно свидетельствуют о возрастании в ходе общественного развития социально-экономической и политической значимости региональной структуры общества, т.е. того "второго этажа" организации социально-территориальных общностей, который, как мы видели, появляясь вместе с рождавшейся цивилизацией, оставался малозаметным вплоть до рождения индустриального общества.

Региональные срезы территориальной организации общества могут выделяться по самым разным критериям: географическим, экономическим, административным, национальным, религиозным и т.д. Понятно, что конкретного территориального совпадения между этими срезами нет: если административно Россия представлена 89 регионами, то основных экономических районов обычно выделяют 10, географических зон — 9 и т.д. С каждым регионом, независимо от оснований его выделения, по необходимости связано определенное население, проживающее на его территории и образующее присущую ему региональную социально-территориальную общность. Взаимодействующая совокупность этих общностей образует социально-территориальную региональную структуру общества.

Еще в XIX веке были установлены два главных закона функционирования этой структуры: 1) объективного неравенства жизненных условий, определяемого своеобразием природных и конкретно-исторических особенностей, присущих данному региону, и 2) связанной с этим объективной неравномерностью социально-экономического развития различных регионов. Указанные обстоятельства формируют у соответствующих региональных общностей специфичную для них социальную среду, образ жизни, особен-

ности менталитета, а также определенную общность интересов и отвечающую им готовность к борьбе за эти интересы, т.е. то, что обычно обозначают термином "регионализм".

Противостоя общей унификации, отстаивая местную самобытность и интересы, регионализм в целом положителен и необходим, но представленный своими абсолютизированными, нередко традиционалистскими или грубо эгоистическими формами регионализм может выступать оплотом реакции, а в политическом плане — сепаратизма.

Вторая половина XXв. ознаменовалась, с одной стороны, очевидным усилением регионалистских проявлений, а с другой стороны, рождением в этой связи во всех развитых странах особого направления государственной деятельности — региональной политики. Под последней понимается осуществляемое на государственном уровне согласование интересов регионов и государств в целом. Обычно в центре внимания региональной политики оказываются вопросы выравнивания уровней социально-экономического развития, помощи депрессивным регионам, освоения новых территорий или отраслей народного хозяйства, целевых инвестиций и т.д.

Как свидетельствуют и теоретический анализ, и накопленный практический опыт, региональная политика оказывается наиболее эффективной при соблюдении трех ее важных принципов:

— признания безусловной приоритетности общегосударственных интересов, что вытекает из общей природы системной организованности: приоритет составных частей системы неизбежно ведет к развалу системы. Наглядным и печальным подтверждением этого стал известный лозунг "суверенизации" советских республик, выдвинутый в СССР радикальной демократией рубежа 80-90-х годов;

— четкого разделения прав и обязанностей ("компетенции") центра и регионов с передачей последним всей полноты тех государственных функций, которые могут быть реализованы на уровне регионов;

— возможно большего совпадения границ административных регионов с границами метрополисов и экономических районов. В этой связи в научной литературе уже давно обсуждаются перспективы назревшей административной реформы в России. Ее основные компоненты — переход к укрупненным краям и землям,

окологородские органы власти в пределах городских агломераций, укрупненные сельские и внутригородские районы. Аналогичные реформы состоялись в последние десятилетия в большинстве развитых стран.

Социология расселения ("экисоциология")

Научным исследованием проблем расселения так или иначе занимаются многие научные дисциплины: экономическая география, региональная экономика и т.д. Но уже в XIX в. начинает формироваться специальная наука, получившая в XX в. на Западе название "экистики", или "экисоциологии", — теория расселения. В ее рамках сложились и во многом обрели самостоятельность три научных направления — социология города ("урбасоциология"), социология деревни и социология регионов (региология).

Наиболее развитым является первое из этих направлений, исторически восходящее еще к фундаментальным трудам XIX — начала XX в.: "Положение рабочего класса в Англии" Ф.Энгельса, "Рост города в XIX столетии" А.Вебера, "Большие города в их прошлом и настоящем" К.Бюхера, "Большие города и духовная жизнь" Г.Зиммеля, "Жизнь и труд населения Лондона" (17 томов!) Ч.Буто с сотрудниками, "Город" М.Вебера и др. Итогом этого начального этапа работы явилось установление ряда важных исходных истин: современный город есть продукт индустриализации общества; как таковой представляет собой наиболее адекватную индустриальному обществу систему расселения; отсюда именно в городе создаются наилучшие условия для реализации современной общественной жизни и развития личности.

С 20-х годов начинается качественно новый второй этап развития урбасоциологии, часто называемый "американским", ибо представлен в значительной степени именами ученых "Чикагской школы" — Э.Берджесса, Л.Вирта, Р.Парка. В центр внимания ими была выдвинута проблема "человек в городе", решавшаяся в основном эмпирическими методами. С 60-х годов начинается формироваться третий современный этап истории урбасоциологии, характеризующийся повышенным интересом к вопросам теории, особенно связанным с групповым расселением. Крупнейшими обобщениями этого времени явились теории "постгородского общества" американского социолога Мэлвина Веббера и близкая к нему

по объекту исследования и анализу концепция "единой системы расселения", сложившаяся в СССР (Н.А.Аитов, Л.В.Никифоров, Б.С.Хорев и др.).

6. Социально-трудовая структура (стратификация) общества

Понятие социально-трудовой структуры общества

Все рассмотренные нами виды социальной структуры общества были атрибутивны в своем существовании. Вне половой, возрастной и

т.д. структур невозможно само существование общества, они неотъемлемо присущи ему. В этом отношении социально-трудовая структура общества, к анализу которой мы приступаем, в корне отлична от всех этих видов социальной структуры, ибо, наоборот, глубоко исторична в своем существовании, возникая лишь по итогам неолитических преобразований общества.

Два из этих итогов представляют для нас особый интерес: это, во-первых, рождение частной собственности на средства производства, поставившее работника в многообразные отношения к ним: собственника, арендатора, наемного или зависимого работника и т.д. — и этим вызвавшее к жизни соответственные группы трудящихся. Во-вторых, это становление общественного разделения труда. Оно, собственно, и заявило о себе появлением устойчиво закрепленных за определенными конкретными видами труда специфичных для них групп трудящихся.

Возникающие на этой двойственной экономической основе общности трудящихся, рассматриваемые в единстве с многообразными связями между ними, получили название "социально-трудовой структуры" общества. Почему трудовой — ясно из вышесказанного: это всегда какие-то группы работников, занятых в системе общественного труда. Но почему "социально-трудовой"? Дело в том, что рассматриваемые трудовые общности, существенно различаясь своим местом в системе труда, столь же сильно различаются и по своему социальному статусу (по уровню материальной обеспеченности, образованию, образу жизни, престижности и т.д.). Между тем на базе труда складываются и такие трудовые общности, например, различные трудовые коллективы, которые со статусными характеристиками связаны слабо и, следова-

тельно, из разряда "социальных" (в строгом и узком смысле этого слова) выпадают. Таким образом, социально-трудовая структура общества нетождественна его более общей трудовой структуре, она лишь один из возможных срезов этой последней.

И еще одно специфическое отличие социально-трудовой структуры: если все ранее рассмотренные виды социальной структуры были всеобщи в своем охвате населения, то социально-трудовая структура ограничена масштабами населения трудоспособного возраста, причем и это трудоспособное население никогда целиком в трудовых отношениях не состоит (домашние хозяйки, инвалиды, временно неработающие, паразитические элементы и т.д.).

Структура социально- трудовых общностей

Они получили названия социально-трудовых групп, социально-профессиональных групп и профессий.

Социально-трудовые группы выделяются по целой совокупности критериальных оснований:

— по особенностям характера труда, определяемым местом приложения труда: в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, управлении, торговле и т.д. Соответственно выделяются социально-трудовые группы работников промышленного, сельскохозяйственного и т.д. труда;

— по особенностям содержания труда, определяемым спецификой используемой технологии: ручной, механизированный и автоматизированный виды труда и, соответственно, отвечающие им социально-трудовые группы работников;

— по особенностям формы труда, определяемым спецификой соотношения физического и умственного видов труда. Соответственно выделяются социально-трудовые группы работников преимущественно физического ("синие воротнички") или умственного ("белые воротнички") труда;

— по степени сложности труда, определяемой уровнем необходимых знаний и навыков. Соответственно выделяются социально-трудовые группы работников квалифицированного, полуквалифицированного и неквалифицированного труда;

В структуре социально-трудовых общностей можно выделить общности тройкого уровня организации.

— по отношению к используемым средствам производства, соответственно выделяются социально-трудовые группы работников самостоятельного, наемного и принудительного (зависимого) труда.

Второй уровень организации социально-трудовых общностей образуют частные подразделения социально-трудовых групп, получившие название социально-профессиональных групп. Они объединяют работников смежных профессий, обладающих примерно одинаковым социальным статусом: учительство, медработники, ИТР, военнослужащие и т.д.

И, наконец, третий уровень социально-трудовых общностей представлен профессиями. Под ними понимаются конкретные области приложения труда, характеризующиеся специфичностью объекта, средств труда и необходимых знаний и навыков. Профессиональная структура характерна своей динамичностью и историчностью. В античной Греции отмечалось лишь несколько десятков профессий. В средневековой Германии их было известно около двухсот, промышленная революция повела счет на тысячи, и в начале XXв. насчитывалось порядка 5 тыс. профессий. К середине XXв. их стало около 30 тыс., а в 80-х годах — около 50 тыс. Процесс рождения новых профессий сопровождался столь же динамичным процессом отмирания многих старых профессий, кроме этого надо иметь в виду, что в XXв. многие широкие профессии прошлого (например, "слесарь") распались на множество более узких профессий, что во многом определило такую их многочисленность.

Как выше отмечалось, все социально-трудовые общности жестко стратифицированы, ранжированы.

Социально-трудовые группы работников преимущественно физического и умственного труда

Это хорошо видно, в частности, на примере взаимоотношений групп работников преимущественно физического и умственного труда ("синих и белых воротничков").

Как физический, так и умственный труд являются неотъемлемыми формами реализации любой трудовой деятельности, ибо обусловлены различиями:

— в способе расходования рабочей силы: с преимущественной затратой мышечной или нервно-психологической энергии;

— в результате труда: в производстве материальных или духовных продуктов. Правда, в условиях современных производственных технологий, предполагающих существенную интеллектуализацию труда, это различие, типичное для прошлого, постепенно утрачивает свою значимость: в производстве и материальных продуктов решающую роль также начинает играть умственный труд;

— в роли и масштабах соотношения в труде стереотипного и творческого, в том числе организаторского начал.

Выделение умственного труда в относительно самостоятельную форму трудовой деятельности происходит на заре цивилизации, и сам этот труд длительное время остается социальной привилегией высших классов. Уже Платону было ясно, что подобный труд мог появиться лишь "одновременно с досугом, когда обнаружилось, что некоторые располагают готовыми средствами к жизни, но не ранее" (Платон. Соч. Т. III. Ч. 1. С. 548). С монополизацией умственного труда социальными верхами его противоположность — физический труд — начинает восприниматься как удел исключительно социальных низов и, соответственно, как нечто низменное и недостойное. С рождением в XXв. массового профессионального умственного труда, по общему правилу наемного, умственный труд утрачивает налет аристократичности, но сохраняет более высокую, сравнительно с физическим трудом, статусность как труд по преимуществу квалифицированный и лучше оплачиваемый.

С середины XXв. в силу разворачивающейся научно-технической революции начинается качественно новый этап в развитии взаимоотношений обеих форм труда, а именно: быстрое проникновение умственного труда в непосредственно материальную сферу производства, интеллектуализация производственного труда, еще вчера почти исключительно физического. И если сто лет назад соотношение затрат умственного и физического труда в типичных для того времени системах технологии составляло 1 : 9, то в наше время в развитых странах оно составляет 3 : 1. С перерастанием же НТР в информационную революцию рубежа XX - XXIв. уже свыше половины экономически активного населения этих стран оказалось связанным с преимущественно умственным

трудом. И если в США в 1870г. 81 % занятых были связаны с физическим трудом, то в 1971г. с этой формой труда оказались связанными лишь 36% занятых. В СССР в 1926г. лишь 3% занятых имели дело преимущественно с умственным трудом, в 1988г. таковых было уже свыше 30%. Таким образом, отчетливо прослеживается определенная тенденция в исторических судьбах обеих форм труда: от почти полного господства физического труда во всех сферах производства аграрного общества к хорошо выраженной интеллектуализации производственного труда в индустриальном обществе и решительному преобладанию умственного труда во всех сферах деятельности в формирующемся постиндустриальном информационном обществе.

В структуре социально-трудовой группы работников преимущественно умственного труда можно выделить три подгруппы этих работников: интеллигенцию (специалистов), служащих и т.н. "работников нового типа".

Интеллигенция — работники высококвалифицированного умственного труда, предполагающего значительный объем творческой или организаторской деятельности. В формально-статистическом плане к интеллигенции обычно относятся лица с высшим профессиональным образованием (специалисты). Как специфическая подгруппа интеллигенция складывается в индустриально организованном обществе, причем обнаруживает непрерывный количественный рост: если в 1900г. в США в общей массе занятых интеллигенция составляла 4%, то в 1950г. — уже 9%, а в 1984г. - 16%. В России в 1940г. - 1,5% занятых, в 1987г. - 12%. До ХХв. подавляющая часть интеллигенции была представлена т.н. лицами свободных профессий, т.е. специалистами интеллектуального труда, работающими в порядке индивидуальной частной практики. Ныне почти вся масса специалистов связана с наемным трудом (в середине восьмидесятых годов в США и Великобритании - 92%, в ФРГ - 89%, в Швеции - 98% и т.д.).

Служащие — работники умственного труда, не требующего высшей квалификации и образования. Для их труда характерны высокая стереотипность, исполнительский характер, нередко значительные затраты физического труда (конторские и торговые работники, связисты, работники низовых органов социальной защиты и т.д.). В силу происходящей механизации и автоматизации стереотипных форм умственной деятельности численность

служащих имеет тенденцию к сокращению: в СССР в 1960г. насчитывалось 9,9 млн. служащих (11,7% занятых), а в 1980г. — 7,4 млн. (5,9%).

Необходимо иметь в виду, что термины "интеллигенция" и "служащие" очень часто употребляются в расширительном смысле для обозначения работников умственного труда в целом. Термином "специалисты" в отечественной статистике часто охватываются и лица со средним специальным образованием.

Наконец, третья подгруппа работников умственного труда — "работники нового типа" — в основном формируется в условиях НТР второй половины XXв. Характерна для рабочих профессий, органически сочетающих функции физического и квалифицированного умственного труда и предполагающих в этой связи подготовку работника на уровне средне-специального или даже высшего образования. В восьмидесятых годах типовой перечень подобных профессий, утвержденный Госкомтруда СССР, включал около 400 специальностей. На рабочих местах, предполагающих такую подготовку, в 1987г. трудилось 579 тыс. лиц с высшим техническим и 4161 тыс. со средне-специальным образованием. И если в 1959 г. работники нового типа составляли в СССР лишь 2,2% от общего числа рабочих, то в 1980г. их было уже около 10%. За рубежом подобных работников иногда определяют термином "ИТР — пролетариат", в отечественной литературе 70-80-х годов очень популярен был термин "рабочие-интеллигенты". И не случайно: отнесение этой специфичной и быстрорастущей группы высококвалифицированных рабочих именно к числу работников умственного труда вполне справедливо, ибо соотношение физической и умственной форм в их труде уже безусловно в пользу последней. Подсчитано, например, что в труде сталеваров на электропечах доля умственных затрат составляет 70%, у операторов, занятых обслуживанием установок непрерывной разливки стали, — от 53 до 88%, у слесарей-ремонтников автоматизированных линий — 71%, у наладчиков этих линий — до 93-95%.

Социально-трудовая	Частным случаем умственного труда является труд управленческий. Любая сфера общественной деятельности предполагает согласованность в этой деятельности, развитая же форма согласования — управление,
управленческого труда	

предполагающее наличие специальных механизмов согласования коллективной деятельности и, соответственно, наличие специальных групп работников, обслуживающих эти механизмы, — управленческих работников.

В своих ранних формах управленческий труд начинает формироваться еще в условиях родоплеменного общества, выступая в виде института старейшин, вождей, жречества и т.д. В аграрном обществе функция управления оказывается органично связанной с функцией собственности на землю и работника. При этом собственник выступает не только в качестве организатора и руководителя своего собственного хозяйства, но и как представитель государственной власти на подведомственной ему территории. Российский помещик до освобождения крестьян выполнял по отношению к ним судебные, полицейские, рекрутские, фискальные и т.д. обязанности. Этому единству собственности и управления приходит конец в индустриально развитом обществе, причем дифференцированно во времени: сначала в ходе буржуазных революций XVII-XIX вв. обособляется в самостоятельное целое труд по управлению государством, постепенно переходящий в руки специализированного государственного аппарата. В современном обществе он представлен структурными группами: а) "политиков", т.е. лиц непрофессионально связанных с государственным управлением в силу избрания на соответствующие государственные (или партийные) должности; б) "бюрократов", т.е. профессиональных наемных управленческих работников, получающих зарплату за счет государственного бюджета; в) "политической элиты" — немногочисленного слоя государственных служащих, причастных к процессам непосредственной подготовки и принятия государственных решений; г) "политических лидеров" — лиц, непосредственно ответственных за принимаемые государственные решения. Среди этих групп государственных служащих наиболее внушительна группа бюрократии, ибо в меру обнаруживаемой обществом потребности во все более компетентном управлении и с умножением числа реализуемых государством функций эта группа обнаруживает тенденцию к непрерывному и быстрому росту. Если, например, население Великобритании с середины прошлого века к середине нынешнего века выросло в 3 раза, то число гражданских чиновников выросло в 44 раза (с 18 тыс. в 1840г. до 750 тыс. в 1957г.). Численность федеральных служащих в США вырос-

ла с 33 тыс. в 1851г. до 3 млн. в 1985 г. В расчете на 1000 человек населения это означает рост чиновничества за 130 лет с 1,5 до 18.

Утратив политические функции, собственник средств производства еще долго сохранял в основном функции управляющего своим собственным "делом". Но в середине XXв. происходит "революция менеджеров": в силу роста объемов и сложности производственных процессов значительная часть управленческих функций и в сфере производства переходит в руки наемных специалистов управления — менеджеров. В отличие от бюрократии, менеджмент, быстро увеличиваясь в абсолютной численности (в США в 1960г. 3,5 млн. менеджеров, а в 1988г. — 9,2 млн.), в то же время обнаруживает тенденцию к сокращению в расчете на 1000 занятых, что связано с растущим внедрением в производство автоматических систем управления.

Таким образом, управленческий труд в современном обществе представлен в основном двумя большими подгруппами управленцев — бюрократией и менеджментом.

**Социально - трудовые группы
зависимых, самостоятельных
и наемных работников**

Несколько особняком в общей массе социально-трудовых групп стоят группы зависимых, самостоятельных и наемных работ-

ников, ибо выделяются они, в отличие от остальных, не на основе общественного разделения труда, а в связи с многообразием отношений работника к используемым средствам труда.

Социально-трудовая группа зависимых (принудительных) работников на протяжении почти всей истории цивилизации была самой массовой, за редкими исключениями, группой работников, труд которых определялся сложившейся в аграрных обществах системой внеэкономического принуждения к труду: многообразные вариации рабского труда, крепостничества, колоната и т.д. Тогда же возникают различные формы принудительного привлечения к труду осужденных — каторжное производство, труд гребцов на галерах и т.п. Современное общество ликвидировало системы внеэкономического принуждения к труду, но во многих странах удержало принудительное привлечение осужденных к труду, ограничив его специальным законодательством и рассматривая это привлечение как одну из форм социальной реабилитации правонарушителей. В то же время в XXв. рождается такая

форма принуждения работника к труду, как массовые трудовые мобилизации, очень популярные в странах тоталитарной организации, но в экстремальных условиях второй мировой войны имевшие место и в демократических странах.

К истокам цивилизации восходит и труд самостоятельных работников, к которым относятся все те, кто работает с помощью собственных или арендуемых средств труда, в том числе предприниматели, коммерсанты, мелкая буржуазия, лица свободных профессий. Свой пик эта социально-трудовая группа переживает в раннеиндустриальном обществе XIX в., когда уже умерла система зависимого (крепостного и т.д.) труда, но еще не стал массовым наемный труд. В начале XIXв. 80% самодеятельного населения США были самостоятельными работниками, еще в 1950г. их было 18%, к концу XXв. их осталось 8%. В Великобритании с учетом специальных реформ М.Тетчер по усилению самостоятельного сектора труда на конец 80-х годов его удельный вес составил 10%. В СССР самостоятельный сектор труда был практически полностью ликвидирован, если не считать теневой занятости. В ходе перестройки он был воссоздан (во многом на базе теневой экономики) и получил первоначальную форму "индивидуальной трудовой деятельности". С легализацией предпринимательства, коммерции, фермерства удельный вес самостоятельных работников в РФ в 1994г. составил 6,5% от общего числа официально занятых. С учетом нерегистрируемой государством занятости ("челноки", мелкая торговля, услуги) доля самостоятельных в сегодняшней России несравнимо выше.

В отличие от рассмотренных групп, социально-трудовая группа работников наемного труда, возникая вместе с ними, оставалась на протяжении всего аграрного общества малочисленной периферией эксплуатируемых и дискриминируемых слоев населения. "Поденщики, — отмечал Аристотель, — ...имея лишь скудные средства к жизни, не в состоянии пользоваться досугом" (Аристотель. Соч. Т. IV. С. 495). Маргинальное^ группы выражалась и в том, что на наемных работников не распространялись общие гражданские права, в частности, право избирать и быть избранным (там, где такие выборы, естественно, имели место). В ряде стран, например, в Баварии, вплоть до середины XIXв. наемный работник не имел права на брак, при переписях населения наемные работники включались в состав семьи работодателя и т.д.

Начало перелома приходится на эпоху раннего индустриализма, в массовом порядке разорявшего самостоятельного работника и превращавшего его «Самого и даже его жену и детей в наемных работников. Капиталистически организованное индустриальное производство "производит не только товар и прибавочную стоимость; оно воспроизводит, притом в постоянно расширяющемся масштабе класс наемных рабочих и превращает в наемных рабочих подавляющее большинство непосредственных производителей" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 41). С рубежа XIX - XXв. начинается быстрое распространение наемных форм реализации умственного труда, практически вытеснивших группу лиц свободных профессий. К концу XX в. удельный вес наемных работников в общей массе экономически активного населения развитых индустриальных стран составил 70-90%.

Превращение наемного труда в ведущую форму общественно-го труда обострило две извечные проблемы этого труда: слабой заинтересованности наемного работника в результатах труда (в Новом Завете это нашло любопытную иллюстрацию: "А наемник.., которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит.., потому что наемник и не радит об овцах") и эксплуатации этого труда работодателем. Первая породила бесконечное число всевозможных систем стимулирования труда наемного работника и целую ветвь социологии, их исследующую, — "индустриальную социологию". Вторая — серию мировых экспериментов XXв. по социалистическому преобразованию наемного труда, положительных результатов в целом пока что не достигших.

7, Закон социального (социетального) неравенстве

Закон всеобщности отношений социального (социетального) неравенства

Рассмотренные выше срезы социальной структуры общества не оставляют сомнения в иерархичности и ранжированности относящихся к ним общностей людей, в ярко выраженной стратифицированности их статусов. И общество в целом не просто распадается на многообразные общности людей, оно расслаивается, как мы выше видели (см. Ш.1), на сугубо неравные в своих взаимоотношениях общности людей. Взятое в общей форме, это неравенство выражается в неодинаковой для раз-

ных групп и личностей доступности материальных благ, культурных ценностей, властных функций, а соответственно, и в неодинаковой престижности социальных статусов конкретных групп и личностей.

Главный вопрос, возникающий в этой связи, — а почему это так? Наиболее общий ответ предлагает функционализм (Дюркгейм и др.): виды деятельности, с которыми связано существование каких-то групп, всегда неоднозначны для жизни общества: групповая деятельность может предполагать труд квалифицированный или малоквалифицированный, творческий или стереотипный, управленческий или исполнительный, общественно более или менее необходимый и т.д. Соответственно, и общественное признание, материальное и моральное вознаграждение, социальный престиж конкретных групп будут также неоднозначными. На другую сторону вопроса обращает наше внимание марксизм: с рождением цивилизации такую же критериально статусную значимость приобретает место данной группы в системе отношений собственности, а вместе с этим — и в структуре политической власти.

Эти методологические подходы позволяют понять механизм формирования группового неравенства, но оставляют в тени основания ярко выраженного личностного неравенства в пределах одной и той же социальной группы и, соответственно, одного и того же группового статуса. Этой проблеме особое внимание в науке XXв. уделяла теоретическая мысль консерватизма, особенно американского, убедительно показавшая, что в индивидуальном плане представители одной и той же группы также сильно различаемы — по способностям, инициативности, ответственности, результатам деятельности и в целом — по лично вносимому в жизнь общества вкладу, что и отражается необходимым образом в особенностях статуса каждой данной личности.

Учитывая всеобщность рассмотренных оснований социального неравенства, можно сделать вывод и о всеобщности, а значит, и закономерности самого этого неравенства. И действительно, на протяжении всей известной истории человечества менялись конкретные проявления социального неравенства, но всегда имел место сам факт этого неравенства. Даже в условиях наиболее социально-выравненных архаичных культур всегда наблюдается известная иерархизация групповых и личностных статусных по-

зиций, находящая свое выражение, в частности, и в чисто внешней символизации — специфичной раскраске тела, особенностях одежды, характере украшений и т.д.

Функционализм обратил внимание и на еще одну очень важную сторону вопроса: на функциональную значимость отношений социального неравенства в жизни общества. Именно они, эти отношения, необходимо порождая у людей настойчивые стремления к реализации более высоких групповых и личных статусов, выступают определяющими стимулами общественного развития и личной мобильности. И наоборот, хорошо известные из истории, в частности отечественной, попытки искусственного выравнивания социального положения групп и личностей всегда приводили к росту социальной инертности и торможению общественного развития.

Как и всякое другое сложное явление, социальное неравенство по своей структуре очень многопланово. М.Вебер, специально изучавший эту структуру, выделил в ней три главные составляющие общественного неравенства, типичные для общества в условиях цивилизации: неравенство в обладании и потреблении различных материальных благ, или, иначе, имущественное неравенство; неравный допуск к отправлению власти — политическое неравенство; неравные возможности в приобщении к культурным ценностям, получению образования, профессии, доступности медицинского обслуживания и т.д. — социальное неравенство.

Имущественное неравенство и его виды

То, что общественное неравенство есть, прежде всего, неравенство в имущественном положении групп и личностей, было хорошо известно уже на заре цивилизации. В каждом государстве, рассуждал, например, Платон, "заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; а в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним, как к чему-то единому" (Платон. Соч. Т. III. Ч. 1. С. 210). Но научная анатомия этого неравенства появляется лишь в XVIII в., вместе с рождением политической экономии. Трудami ее классиков А.Смита, Д.Рикардо и др. было установлено, что имущественное, или, строже, экономическое, неравенство конкретно представлено тремя видами пересекающихся, но в целом вполне самостоятель-

ных неравенств. Они возникают в силу различий в источниках дохода (средств существования), размерах дохода, размерах собственности на движимое и недвижимое имущество.

Различия в источниках дохода — заработная плата, предпринимательская прибыль, рента, пенсия, стипендия и т.д. — предопределяют, прежде всего, многообразие в социальном положении группы и личности в целом -- наемные работники, предприниматели, пенсионеры и т.д. Во-вторых, они связаны с устойчивым различием в размерах приносимого дохода: средняя пенсия, как правило, ниже средней зарплаты, средняя зарплата ниже среднего предпринимательского дохода и т.д. Устойчиво различаемы и соотносительные тенденции роста доходов в связи с их источником: рост предпринимательских доходов, например, всегда обгоняет рост оплаты наемного труда. Так, в третьей четверти XX в. разрыв между ними вырос в США в 3 раза, во Франции — в 6 раз, в Японии — в 10 раз. В своеобразных условиях советской плановой экономики наблюдался типичный для нее разрыв в уровнях доходов в государственном (более высокие доходы) и колхозно-кооперативном (существенно более низкие доходы) секторах. Причем с 60-х годов действовала сознательно поощряемая тенденция к сокращению этого разрыва: если в 1965 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составляла 96 руб., а оплата труда колхозников (без учета доходов от приусадебных участков) — 51 руб., то в 1975г. они составили соответственно 146 и 92, в 1989г. — 240 и 196 руб.

Неравенство в размерах доходов обусловлено, естественно, не только различиями в источниках доходов, тем более, что и при одном и том же источнике реальный размер их может быть очень разным: во Франции начала XIX в. доходы неквалифицированного наемного работника и доходы квалифицированного государственного чиновника соотносились как 1 : 80-160, за последние двести лет эта кричащая разница сократилась, но тем не мене остается существенной: в 1984г. она выразилась соответствием 1 : 5-8. На размерах дохода сказываются и размеры и характер собственности, должностное положение, общественная значимость труда, квалификация и уровень работы, деловые качества, "предпринимательская жилка" и т.д.

В целях упорядочения наших знаний о размерах доходов в дадной стране и в данное время, без чего невозможны как повсе-

дневная административная практика, так и конкретное народно-хозяйственное и социальное прогнозирование, обычно используются специальные статистические приемы измерения доходов, получившие название квинтильного и децильного показателей. Квинтильный показатель дифференциации, а соответственно и количественной структуры доходов, представляет собой распределение населения по объему денежных доходов на 5 численно равных (т.е. содержащих по 20% населения) групп с последующим исчислением удельного веса суммарного дохода, приходящегося на каждую из групп. Анализ устанавливаемой таким образом структуры доходов населения свидетельствует, что в общемировом масштабе на долю 20-процентной группы лиц с наименьшими доходами в начале 90-х годов приходилось лишь 2% мирового дохода, на долю же группы с наивысшими доходами — 75% этих доходов. В развитых странах ситуация не столь кричащая, но очень выразительная: в США в 1987г. на каждую из 5 групп приходилось 4,6; 10,8; 16,9; 19,1; 43,7% денежного дохода. В странах с длительным пребыванием у власти социал-демократов ситуация еще смягченней, но качественно та же самая: удельный вес доходов крайних групп в Швеции (1986г.) 12,0 и 37,5%. В России квинтильный анализ в широкое употребление входит лишь в годы реформ, обнаруживая при этом четко выраженную тенденцию к нарастающему расслоению в доходном отношении российского общества ("бедные становятся беднее, богатые — богаче"):

Группы	Удельный вес в суммарном денежном доходе (%)			
	1992	1993	1994	1995
Первая (с наименьшим доходом)	6,0	5,8	5,3	5,5
Вторая	11,6	11,1	10,2	10,2
Третья	17,6	16,7	15,2	15,0
Четвертая	26,5	24,8	23,0	22,4
Пятая (с наивысшим доходом)	38,3	41,6	46,3	46,9

В децильном показателе дифференциации денежных доходов населения фиксируется отношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. И если квинтильный показатель вскрывает структуру денежных доходов нас

цильный — существующую в данном обществе поляризацию доходов. В социально сильно выравненном советском обществе 60 80-х годов разрыв в доходах между наиболее и наименее обеспеченными группами населения колебался в пределах трех-четырехкратности. С началом рыночных реформ децильный показатель закономерно отразил быстро растущее материальное расслоение российского общества. Уже в 1992г. децильный показатель вырастает до 8, в 1993г. он становится равным 11, в 1994г. — 15, в 1995г. — 13. При этом надо учитывать сильную заниженность этих цифр, ибо официальная статистика учитывала только налогооблагаемые доходы. Типичные показатели децильного отношения для сегодняшних развитых стран колеблются в пределах 12-14.

Но решающую роль в проявлении всех аспектов имущественного неравенства играет не дифференциация доходов, а дифференциация собственности на движимое и недвижимое имущество. Ее суть — сосредоточение с рождения цивилизации основной массы материальных ресурсов и прочих ценностей в руках очень небольших групп людей. Так, на рубеже 90-х годов 1% французов владел 30% национального богатства страны, а 10 % наиболее богатых французов — его 60%. На долю же 50% французов пришлось лишь 5,5% богатства, причем 10% наиболее обездоленных владели лишь 0,03% национального богатства Франции. В Великобритании в те же годы 1% населения владел 25% национального богатства, а 5% населения — его 53%. Три процента населения держали 80% всех акций, а 2% взрослого населения обладало 76% земельных угодий страны. В США 0,5% населения владеет 35% национального богатства страны, а 90% населения — его 20%.

В недавние годы отечественной истории различия в собственности советских граждан вместе с устранением частнособственных отношений оказались минимальными и ограниченными, во всяком случае, в рамках легальности, исключительно так называемой личной собственностью на предметы потребления. Некоторое представление о конкретных масштабах различий в собственности советских граждан можно получить, проанализировав характер их денежных вкладов в сберкассы. На 1.01.1989г. они составили 297 млрд. рублей, распределенных по 196 млн. вкладов. Их количественная структура такова:

Размер вкладов	Число вкладов	Удел, вес в общем числе вкладов (%)	Удел, вес в суммарной массе вкладов (%)
До 300 руб.	65 мл.	33	2
Свыше 300 руб. до 1000 руб.	45 мл.	23	10
Свыше 1000 руб. до 2500 руб.	48 мл.	25	25
Свыше 1500 руб. до 5000 руб.	24 мл.	12	28
Свыше 5000 руб. до 10000 руб.	11 мл.	6	24
Свыше 10000 руб. до 25000 руб.	2 мл.	1	10
Свыше 25000 руб. до 50000 руб.	51 тыс.	0,03	0,5
Свыше 50000 руб.	3 тыс.	0,002	0,1

Данная структура сберегательных вкладов, как и вышеуказанный децильный показатель, позволяют сделать вывод о советском обществе как обществе людей средней и невысокой обеспеченности при очень узкой прослойке высокообеспеченных лиц. Соответственно, основные стратификационные границы в этом обществе проходили между мало- и среднеобеспеченными слоями населения.

Как свидетельствует история цивилизации, имущественные различия с ходом этой истории непрерывно растут и усиливаются. Американский экономист Ф. Вудс подсчитал, что в истории США самые богатые семьи превосходили средние по обеспеченности семьи в XVIII в. не более чем в 50 раз; в середине XVIII в. — уже в 300 раз, в середине XIX в. — в 600 раз, в начале же XX в. — в десятки тысяч раз. В тех же США доля самых богатых 0,5% населения в общем объеме национального богатства в 60-х годах равнялась 25%, а в 80-х — уже 35%.

Уровни имущественного неравенства (уровни материального благосостояния)

Обобщенным следствием рассмотренных явлений и процессов имущественного неравенства является грубо-зримое расслоение всех цивилизованных обществ на три уровня материального благосостояния или имущественного неравенства населения: богатых, среднеобеспеченных и бедных.

К первым относят всех тех, чья собственность или уровень доходов значительно превосходит соответствующие средние показатели данного общества. Из этого следует, что по своим конкретным параметрам "богатство" не есть что-то постоянное, наоборот, оно всегда производно от уровня и характера экономической развитости данного общества. Составляя абсолютное меньшинство населения, группа богатых обнаруживает и определенную внутреннюю структуру, распадаясь, по общему правилу, на "нуворишей" ("выскочек"), сделавших состояния собственными руками, и "династии", наследственно принадлежащие к слою богатых. Для последних характерна специфичная субкультура, определяемая самовоспроизводством, брачной эндогамией, хорошим образованием, замкнутыми светскими связями, элитарным образом жизни. Французские социологи Моника и Мишель Понсон, профессионально изучающие жизнь и нравы имущей элиты, пишут: "Когда попадаешь в богатые кварталы Парижа, замечаешь, что у их обитателей свой акцент. Они не только иначе одеты, но и имеют другой внешний вид и даже телосложение. Благодаря усвоенным манерам, у богатых иная — как говорят социологи — "телесная лексика": манера ходить, двигаться, садиться, сидеть за столом. Для них это стало второй натурой... Благодаря всем этим внешним признакам они выделяют "своих", сразу узнают, относиться ли вы к их кругу или нет" (Известия. 13.05.96г.).

Естественно, что к формирующемуся сегодня в России слою богатых ("новые русские") рассмотренная структура отношения не имеет, но многие отмеченные черты субкультуры богатых уже становятся фактом: замкнутый круг и специфичные формы общения (ночные клубы, казино и т.д.), своеобразие в одежде ("красные пиджаки"), выбор автомобилей ("иномарки"), оформленные жилые ("евростиль"), элитарный отдых ("Канары") и образование детей и т.д. Присущи рождающемуся российскому богатству и особые черты, отражающие его специфическую природу социального продукта эпохи первоначального накопления капитала: повышенная неустойчивость, неразборчивость в средствах и прямая криминализированность. Специфичен и сохраняющийся произвол со стороны государства, остающегося пока что слабо капитализированным.

К имущественному слою среднеобеспеченных ("средний класс") относится трудно определяемая масса населения, характе-

ризующаяся средними для данного общества размерами доходов и собственности при большом разбросе всех прочих социальных характеристик: предприниматели средней руки, основная масса чиновничества,» специалистов умственного труда, лиц свободных профессий, квалифицированные рабочие, мелкая буржуазия и т.д. Сколько-нибудь разработанной теории этого имущественного слоя отечественная наука не знает.

Напротив, имущественный слой бедноты вниманием общества и науки никогда обделен не был, ибо бедность всегда выступала очевидной угрозой сложившимся порядкам, перманентным источником всякого рода напряженности и аномии и, соответственно, требовала неусыпного социального контроля. С другой стороны, общественное внимание к бедности в немалой степени определялось нравственно-гуманистическими умонастроениями, обусловившими, в частности, традицию благотворительности имущих слоев населения и церкви. С этим же связана и столь же традиционная идеализация и романтизация бедности, характерная для всей истории духовной культуры (В.Гюго, Э.Сю, О.Генри, М.Горький, Б.Брехт и др.)

Научная теория бедности свою историю ведет от классиков политической экономии XVIII-XIXв. Большой вклад в эту теорию внесли утописты-социалисты начала XIXв., а также многочисленные филантропы XIXначала XXв. Современная теория бедности рассматривает ее как феномен с очень сложной, многоплановой природой, различая в этой связи, прежде всего, бедность абсолютную и относительную.

Под абсолютной бедностью понимается существование личности и ее иждивенцев в социальных условиях, обеспечивающих потребление материальных благ лишь в пределах необходимого для поддержания жизни и работоспособности. Показатель абсолютной бедности, таким образом, не только социален, но и конкретно-физиологичен, может быть строго описан числом необходимых для поддержания жизни калорий. Как таковой этот показатель достаточно стабилен и не зависит от конкретных особенностей данного общества. В развитых странах порог абсолютной бедности регулярно исчисляется государством и выражается в специальных пороговых терминах, характеризующих определенный доход, ниже которого и начинается состояние абсолютной бедности. В США это т.н. "черта бедности", фиксирующая годовой

доход семьи из четырех человек, ниже которого и начинается абсолютная бедность, в СССР с 60-х годов в тех же целях использовалось понятие "малообеспеченности", в РФ — понятие "прожиточного минимума". О масштабах таким официальным образом определяемой бедности в соответствующих странах можно судить по следующим цифрам: в США за указанной "чертой" в начале XX в. находилось 10-15 млн. человек (12-18% населения), в 1960г. - 39,9 млн. (22,2%), в 80-х годах - 30-35 млн. человек (12-15% населения). За "порогом бедности" в 80-х годах в Великобритании находилось 8-12 млн. человек (17-20% населения), во Франции — 6-8 млн. человек (11-14%). В СССР в 60-70-х годах порогом малообеспеченности выступал ежемесячный 50-рублевый доход на члена семьи, а с 80-х годов — 75-рублевый. В канун распада СССР глава его правительства Н.И.Рыжков констатировал, что "сегодня почти сорок миллионов человек населения нашей страны живут, если можно так сказать, за "чертой бедности". Нам это известно" (Известия. 9/VI-89). В новой России в расчет прожиточного минимума с 1992г. включаются стоимость минимального набора 19 жизненнонеобходимых продуктов питания ("потребительская корзина"), расходы на средства санитарии, коммунальные и бытовые услуги, пассажирский транспорт и налоги. Конкретные величины прожиточного минимума сугубо динамичны, исчисляются периодически и резко различны регионально. В среднемесячном общероссийском исчислении показатель прожиточного минимума на душу населения составлял: в 1992г. — 1,9 тыс.руб., в 1993г. — 20,6 тыс.руб., в 1994г. - 86,6 тыс. руб., в 1995 г. - 264 тыс.руб., в 1996-97гг. показатель прожиточного минимума стабилизировался, и, например, в Самарской области он составлял 350-390 тыс. руб. Численность россиян с доходами, ниже указанных, составила в 1992 г. 50,2 млн. человек (33,5 % населения), в 1993 г. - 46,9 млн. (31,5 %), в 1994 г. - 33,3 млн. (22,4 %), в 1995 г. - 36,6 млн. (24,7 %). Во всех развитых странах пребывание за "чертой бедности" ведет к определенным социальным льготам и вспомоществованиям (трансфертам).

В противоположность абсолютной относительная бедность характеризуется чисто социальными параметрами, ибо представляет собой более низкий уровень материальной обеспеченности какой-то части населения сравнительно с среднетипичным для данного общества уровнем обеспеченности. Относительная бедность про-

изводна от специфичных для данной страны социальных условий, поэтому всегда конкретна в своем материальном выражении и практически не сопоставима для обществ, живущих в разных условиях. Однако эта релятивность относительной бедности вполне объективна по своей природе, ибо вытекает из реального расхождения в условиях существования конкретных обществ. Поэтому нельзя согласиться с нередкой в научной литературе тенденцией к субъективизации этой категории, с отождествлением относительной бедности с отрицательной самооценкой личностью своего материального положения.

В современных условиях повышенную значимость приобретает также различие бедности "слабых" и "сильных" ("недостойной" и "достойной" в западной терминологии). Бедность "слабых" обусловлена индивидуализированными социальными обстоятельствами: возрастом, здоровьем, многодетностью, уклонением от труда, вредными привычками и т.д. Бедность "сильных" вызывается большими подвижками в обществе, меняющими условия существования, в том числе, и в лучшую сторону, целых социальных групп. Так, вместе с НТР появляются массовые группы "новых бедных", связанные с уходом в прошлое многих профессий, крах СССР и не всегда продуманные социально-экономические преобразования в России породили массовые группы беженцев, безработных, ситуации длительных задержек с оплатой труда и пенсий, невостребованность квалифицированного труда и т.д.

Различение бедности слабых и сильных важно, прежде всего, для практики социальной работы с этими категориями населения. Если в работе с первыми преобладают формы прямой помощи и поддержки, то в социальной работе со вторыми акценты переносятся преимущественно на создание условий, позволяющих этим группам населения вновь стать на ноги: системы переквалификации, трудоустройства, переселения, поощрения мелкого бизнеса и т.д. Или, говоря языком американских учебников, если для "слабых" надо закупить побольше рыбы, то для "сильных" — удочек.

Предметом оживленной международной дискуссии является и вопрос о специфической субкультуре бедности. В 50-х годах американский профессор О.Льюис провел ряд исследований образа жизни городской бедноты и пришел к выводу, что низшие слои населения в условиях постоянной нужды вырабатывают собствен-

ную систему культурных ценностей, социальных установок, моральных норм и форм социального контроля, в целом существенно отличимых от соответствующих позиций имущих слоев населения. Иными словами, О.Льюис открыл для науки существование специфической "культуры бедности", подчеркнув при этом ее генетическую самовоспроизводимость в процессах социализации и сходство основного содержания этой культуры (если строго — субкультуры) у народов разных стран. Но в самом описании этого общего содержания субкультуры бедности О.Льюис фактически выделил специфические черты образа жизни и моделей поведения не столько бедноты, сколько деклассированных слоев населения (утрату социальных связей, слабую организованность, аморализм и т.д.), а мы выше (см. III. 1) уже отмечали нетождественность бедности и деклассированное™. Проблема же объективного содержания субкультуры именно бедности остается во многом невыясненной до сих пор.

На важное основание возможного различия бедности и деклассированности обратили внимание неофункционалисты (ф.Мертон и др.), отметившие дисфункциональную природу деклассированности (см. III. 1) и вполне функциональную природу бедности. В частности, именно наличие феномена бедности позволяет обществу воспроизводить значительную часть населения при минимальных общественных затратах, обеспечивать рабочими руками непрестижные сферы деятельности, поддерживать рынок залежалых и бывших в употреблении товаров. Но бедность выступает, с другой стороны, главной социальной базой разнообразного радикализма, а также аномии.

Политическое и социальное неравенство Вторая составляющая общественного неравенства — политическое неравенство, состоящее в неравном допуске отдельных лиц и целых социальных групп к отправлению власти. В основе этого неравенства — объективная иерархия управленческой вертикали. Последняя всегда представлена, во-первых, теми, кто управляет ("правящая элита"), во-вторых, теми, кем управляют, и, в-третьих, в развитых обществах еще и теми, чьими руками непосредственно реализуется процесс управления, — политическим аппаратом. Объективная необходимость такой вертикали была вскрыта еще в начале века немецким социологом

Р. Михельсом, сформулировавшим т.н. "железный закон олигархии": с ростом численности любой организации закономерно возникает концентрация власти в руках немногих. Позже стало ясно, что к тому же результату — концентрации власти в руках немногих — неизбежно приводит и рост территориальных границ объекта управления, но особенно — потребность в растущей компетентности управления. Как свидетельствует история, на аграрной стадии цивилизации функции власти оказались неразрывно связанными с функцией собственности, особенно земельной, т.е. политическая власть находилась исключительно в руках собственников. Буржуазные революции положили конец такому сращению собственности и власти, а порожденная ими демократизация государственных систем управления еще более расширила причастность населения к делам управления. Но в то же время именно буржуазные преобразования общества положили начало массовой бюрократизации всех звеньев государственного управления, тем самым четко разделив общество на профессионально причастных к делам управления, и всех тех, кто фактически исключен из реального участия в управлении, сохраняя за собой лишь формальное право участия в выборах. В целом можно сказать, что для индустриального общества характерно как существенное смягчение проявлений политического неравенства, вызываемое демократизацией общества, так и углубление этого неравенства, порождаемое растущей бюрократизацией систем политического управления.

Наконец, для третьей составляющей общественного неравенства — собственно социального (в узком значении этого термина) неравенства в общеисторическом плане характерно растущее смягчение всех проявлений этого неравенства. Социальные различия в доступности образования, профессии, квалификации, в общей и бытовой культуре, организации досуга, образе жизни, безусловно сохраняясь, становятся тем не менее все слабее выраженными с ростом высоты организации общества.

Таким образом, история общественного неравенства какой-либо единой тенденции своего развития не знает: если имущественное неравенство с течением времени становится все глубже, то социальное, наоборот, смягчается, а политическое обнаруживает некую внутреннюю альтернативность в своем развитии.

Что же касается исторического развития отношений общественного неравенства, рассматриваемых в их целостности, то американский социолог Г.Ленски, специально изучавший этот вопрос, приходит к таким выводам: наименее выражены и сглажены отношения неравенства в условиях первобытного общества, наиболее выражены и обострены — в условиях аграрного общества. Индустриальное общество промежуточно между ними. Соответственно, если сопоставить современные развитые страны и страны "третьего мира", то уровень общественного неравенства будет выше и выразительнее во вторых. А это означает, что известный в истории науки вывод Ж.-Ж.Руссо: история человечества есть прогресс его неравенства — с рождением современного общества силу утрачивает.

Теория и практика эгалитаризма

Вместе с становлением по итогам неолитической революции ярко выраженного общественного нера-

венства аграрного общества возникает и негативная реакция общественного сознания, еще не забывшего "золотые" времена первобытности и отражавшего настроения дискриминируемых слоев населения на это неравенство. И суть этой реакции — в растущем отождествлении социальной справедливости, а соответственно, и идеала общественного развития, с отношениями равенства, преодолевающими и устраняющими вопиющие неравенства родившейся цивилизации. Вслушаемся, для примера, в призыв ветхозаветного пророка Исаяи (VIII в. до н.э.): "Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неравные пути сделаются гладкими". Среди многочисленных эгалитаристских (от французского "эгалитэ" — равенство) идеологий и движений раннеклассовых и античных обществ для последующей европейской культуры особую роль имел эгалитаристский идеал раннего христианства, провозгласившего равенство всех перед Богом: "нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе". Но уже раннее христианство, становясь массовым, оказалось вынужденным санкционировать реальное, земное социальное неравенство. И это самое парадоксальное: вместе с христианством рождается целый букет ранее неизвестных обществу неравенств: между христианами и язычниками ("нехристями"), между

мирянами и духовенством, между духовенством разных иерархических уровней, между христианами разных конфессий и т.д. Это противоречие между провозглашаемым в Новом Завете всеобщим равенством и кричащим неравенством в реальной жизни, причем, неравенством,, так или иначе освящаемым церковью, на протяжении всего средневековья служило базой бесконечного числа ересей, как правило, выступавших под лозунгами реализации как в церковной жизни, так и в земных делах священных евангелических идеалов равенства (анабаптисты, катары, табориты и т.д.)

В Новое время рождаются уже чисто светские течения эгалитаристской мысли. Среди них:

— уравнительный коммунизм Т.Мора, Т.Кампанеллы, Г.Бабефа, Э.Кабе, В.Вейтлинга и многих других. Его социальный базой явился формирующийся в это время массовый слой наемных работников, лишенных какой-либо собственности на средства производства. Главное требование коммунизма (сам термин появится только в XIX в.) состояло в устранении частной собственности как основы всех проявлений общественного неравенства и вытекающих из него угнетения и эксплуатации человека человеком. Но сменяющая частную собственность "общность имущества" предполагала равное трудовое участие и равные же формы потребления, что и делало этот коммунизм строго уравнительным, "казарменным коммунизмом";

— мелкобуржуазный эгалитаризм Ж.-Ж.Руссо, П.Прудона, Ж.Сисмонди. Отражая растущий в эпоху промышленной революции страх мелкого производителя перед крупным производством, провозгласил необходимость всеобщего уравнивания собственности;

— либерально-буржуазный эгалитаризм, сыгравший видную роль в эпоху ранних буржуазных революций. Его первые идеологи — Дж.Локк и Ш.Монтескье, провозгласившие требование равенства всех граждан перед законом, т.е. требование правового и политического равенства граждан. В конце XVIIIв. эти требования дополняются лозунгом "равенства возможностей", т.е. гарантированных законом равных прав граждан в рыночной деятельности;

— марксистская концепция равенства: политическое равноправие недостаточно и формально, реальное равноправие достижимо лишь с устранением частной собственности на средства производства и производной от нее классовой структуры общества. Суть достигаемого таким образом равенства — в выравнива-

нии экономических и политико-правовых условий существования личности. "Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости" (Маркс К., Энгельс Ф, Соч. Т. 20. С. 108).

В XXв. в связи с практикой буржуазного и социально-демократического реформизма формируется на основе т.н. "государства всеобщего благоденствия" неолиберальная и социал-демократическая трактовка равенства как "равенства условий", предполагающая постепенное устранение тех фундаментальных социальных различий в условиях жизни, которые на практике делают либеральный лозунг "равных возможностей" пустой фразой. Особое значение в этой связи придавалось обеспеченности "равенства старта", т.е. равных возможностей получения образования, профессии, трудоустройства и т.д.

Определенные достижения в реализации этой концепции несомненны, особенно в области получения образования. Но в целом решение задач выравнивания условий жизни и "равенства старта" на этой базе оказалось недостижимым и утопичным, ибо вступало в противоречие с рассмотренными выше всеобщими основаниями общественного неравенства. По тем же основаниям полной неудачей завершилась и попытка создания "общества социальной однородности" в нашей стране. Хотя в СССР и была ликвидирована частная собственность на средства производства и практически отмерла классовая структура, социальной однородности тем не менее по-прежнему не было: на смену ушедшим формам неравенства приходили новые — между членами партии и беспартийными, между партаппаратом и членами партии, между правящей номенклатурой и обществом и т.д.

Таким образом, на исходе XXв., в рамках которого осуществлялись многообразные попытки устранения общественного неравенства, можно с полным основанием утверждать: общественное неравенство есть всеобщий закон общественной жизни. С течением времени меняются конкретные проявления неравенства, но остается неизблемым само это неравенство.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Социальная (социетальная) стратификация общества	3
2. Половая структура (стратификация) общества	12
3. Возрастная структура (стратификация) общества	33
4. Этническая структура (стратификация) общества	51
5. Территориально-расселенческая структура (стратификация) общества	68
6. Социально-трудовая структура (стратификация) общества . . .	83
7. Закон социального (социетального) неравенства	92

Евгений Фомич Молевич

ОБЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Раздел III

*Учебное пособие для студентов
гуманитарных специальностей*

Редактор Н.А.Сидоренко

Корректор Н.В.Голубева

Компьютерная верстка, макет М.Н.Лазарева

ЛР № 020316 от 4.12.96г. Подписано в печать 17.11.97. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 6,27 усл. печ. л.; 6,75 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. С. 24. Заказ № 2626

Издательство "Самарский университет", 443011, Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
ОАО ПО "СамВен", 443099, г.Самара, ул.Венцека, 60.